

**СЕРГЕЙ
КАРА-МУРЗА**

**ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА
В РОССИИ**

Сергей Георгиевич Кара-Мурза
Гражданская война в России
Серия «Узлы российской истории»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6714776
Гражданская война в России / Сергей Кара-Мурза.: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0731-7

Аннотация

Сергей Георгиевич Кара-Мурза, известный российский историк и публицист, в своих книгах затрагивает самые сложные и болевые периоды нашего прошлого. Произведения С. Г. Кара-Мурзы отличаются большим количеством разнообразного фактического материала и глубоким его анализом.

В книге, представленной вашему вниманию, автор пишет о Гражданской войне в России (1918—1921). По общему мнению исследователей, она стала для российского государства катастрофой, которая предопределила многие стороны нашей жизни в XX веке. Но в связи с этим возникают вопросы, на которые С. Г. Кара-Мурза пытается ответить в своей книге: в какой мере на начало Гражданской войны повлияли разные цивилизационные подходы к дальнейшему развитию России; какую роль сыграл социальный расизм влиятельной части российской элиты; была ли эта война исключительно классовой и революционной или носила еще и национально-освободительный характер?

Эти и другие важные «срезы» Гражданской войны рассматриваются С. Г. Кара-Мурзой вне рамок «красной» или «белой» идеологии; для автора важны объективные выводы, имеющие значение не только для истории, но и для будущего России.

Содержание

Введение	4
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

Гражданская война в России

Введение

Важнейшим испытанием XX века, когда наш народ был снова, как и после Февраля 1917 г., поставлен перед выбором, стали *Гражданская война и иностранная интервенция 1918—1921 гг.*

Война – самое крайнее, острое выражение политики, когда выявляется суть всех институтов государства, политических движений и программ. Война – эксперимент над государством и обществом, открывающий современникам и историкам важное знание. Советское государство прошло через две тотальные войны, когда столкновение с противником было совершенно непримиримым. Первой была Гражданская война 1918—1921 гг., сопряженная с иностранной военной интервенцией. Вторым испытанием было нашествие целой европейской орды, собранной фашистской Германией, на которое СССР ответил Отечественной войной.

Однако наша Гражданская война была неразрывно связана с войной за *независимость* России – войной против интервенции Запада. Роль Запада в порождении Гражданской войны у нынешних поколений как-то недооценивается, а это – важнейший фактор на первом этапе советской истории. В то время роль Запада была всем очевидна. Ленин говорил 2 декабря 1919 г. как о вещи общеизвестной: «Всемирный империализм, который вызвал у нас, в сущности говоря, Гражданскую войну и виновен в ее затягивании...»

(Соч., т. 39, с. 342). Вальтер Шубарт писал в книге «Европа и душа Востока»: «С 1914 года мы вошли в столетие западно-восточной войны». В 1918—1921 гг. Запад вел ее в основном руками российских «белых», а потом руками поляков.

Гражданская война – катастрофа более страшная, чем война с внешним врагом. Она раскалывает народ, семьи и даже саму личность человека, она носит тотальный характер и наносит тяжелые душевные травмы, которые надолго определяют жизнь общества. Поскольку в гражданской войне нет тыла, она разрушает всю ткань хозяйства, все жизнеустройство в целом. В ходе Гражданской войны в России погибло несколько миллионов человек (количественные оценки резко различаются). Подавляющее большинство погибших потеряли жизнь не от «организованного насилия» – на поле боя или от репрессий, – а от голода, болезней и особенно эпидемий (тифа), а также от «молекулярных», местных конфликтов, не связанных с целями воюющих сторон.

Гражданская война самым страшным образом повлияла на весь дальнейший ход событий нашей истории. Она завершила разрушение хозяйства, подорванного мировой войной, и отбросила страну в состояние крайней материальной скудости, повлиявшей на все стороны жизни и мышление. Форсированное промышленное развитие («за десять лет то, что другие страны сделали за сто лет»), необходимое для выживания в войне, привело, образно говоря, к переутомлению народа, которое сказывается и сейчас.

Эта война привела к истреблению большей части самых энергичных, активных и образованных людей с обеих сторон баррикады и надолго определила страшный кадровый голод. Это привело, среди прочего, к ужесточению и упрощению системы управления всеми общественными процессами (как говорили, к «бюрократизации», хотя это слово надо понимать как метафору, речь шла именно об упрощении и огрублении, к замене знаний и навыков простыми инструкциями и запретами). Перевод в 1918 г. всей жизни советского общества на военные рельсы придал ей черты «казарменного» уклада и привел к крайнему огосу-

дарствлению, из которого оказалось невозможно выйти за срок, отпущенный историей до новой войны. Это убило значительную часть творчества масс, прежде всего те структуры самоуправления трудящихся, в которых мог раскрыться огромный потенциал российской общинной культуры. Из Гражданской войны выросли жесткость, суровость и склонность к грубому разрешению противоречий, которые очень дорого обошлись нам и продолжают дорого обходиться и сегодня.

Эта книжка – не рассказ о ходе Гражданской войны, о боях, бедствиях и преступлениях. Это – размышления о тех противоречиях, которые в ходе этой войны решались, о причинах, приведших к катастрофе братоубийства, и о смысле того выбора, который и предопределил исход войны. Писать об этом приходится потому, что, как показал опыт последних пятнадцати лет, мы в целом не поняли ни этих причин, ни этого выбора. Официальная советская история как будто «берегла» нас от тяжелых размышлений и кормила упрощенными, успокаивающими мифами. И мы не вынесли из той войны исторического урока, который она в себе заключала, – и остались сегодня у разбитого корыта. Необходимость раскопок видна уже из того, с каким лихорадочным старанием знание о Гражданской войне забрасывают сегодня грязью антисоветских мифов.

Наш народ прижимают в угол, речь уже идет о гибели или спасении. Все зависит от того, как быстро мы сможем восстановить трезвое мышление и определить, хотя бы грубо, то направление, по которому надо выбираться из ямы. Исторические уроки тут не решают всего дела, но они очень помогают решению. Гражданская война – один из самых дорогих уроков, и он не должен пропасть.

В этой книжке я выделил бы следующие главные вопросы.

- Гражданская война как «война Февраля с Октябрем» – продолжение военными средствами противостояния между двумя революционными проектами России, означавшими два разных цивилизационных пути.

- «Мирные инициативы» рабоче-крестьянской России после Февраля 1917 г. Почему они были отвергнуты «белой костью»?

- Социальный расизм влиятельной части российской элиты и ответ «низов»; роль культурных факторов в разжигании Гражданской войны.

- Значение революции 1905—1907 гг. как «университета» Гражданской войны.

- Гражданская война и восстановление единства России (СССР).

- Почему Белое движение было обречено.

Таким образом, ограничим вопрос, который будет рассмотрен в книге.

Гражданская война была сложным конфликтом множества сил с разными интересами и идеалами. Мы здесь рассмотрим лишь один конфликт – между *белыми* и *красными*. Участие в Гражданской войне остальных сил лишь слегка затронем. Это, конечно, сильно упрощенный подход, но с него придется начинать, чтобы не запутаться в слишком сложной системе. Выводы будут огрубленными, но, считаю, в первом приближении верными. От каких же важных «срезов» Гражданской войны мы отвлечемся или рассмотрим их в слишком кратком виде?

Прежде всего не будем рассматривать прямую военную интервенцию Запада и Японии. Примем ее как фактор «внешней среды», усугубляющий наш внутренний конфликт.

Сюда же можно отнести интервенцию Польши, которая вызвала крупномасштабную и тяжелую *межгосударственную* войну. Не будем мы останавливаться и на войне Красной Армии с силами антисоветских антироссийских националистических движений, которая происходила практически на всех западных окраинах, на Кавказе и в Средней Азии.

Во-вторых, не будем рассматривать роли исключительно важного, но лежащего вне плоскости войны белых и красных фактора – движения «*зеленых*». Это, в основном кре-

стьянское, движение определено было *антилиберальным*, то есть несовместимым с программой Белого движения. Но оно находилось и в оппозиции к программе *модернизации*, лежащей в основе советского проекта. Во многом идейными установками «зеленых» были вдохновлены восстания против Советской власти, происходившие на исходе Гражданской войны (в Кронштадте, Сибири, в Тамбовской губернии и др.).

Наконец, отвлечемся от того глубокого, хотя во многом скрытого конфликта, который возник в самом лагере красных и был вызван некоторыми важными несовместимыми представлениями о России (а также о ее месте в мире) у большевиков-«космополитов» и большевиков-«почвенников». Главное, весьма кровопролитное, столкновение между этими течениями произошло позже, в 30-е годы и особенно в 1937—1938 гг.

Вновь подчеркну, что исключение этих важных составляющих Гражданской войны из рассмотрения значительно обедняет и огрубляет картину – но не вносит недопустимых искажений в главные выводы относительно того конфликта, который самым прямым и срочным образом определял путь развития России-СССР в XX веке.

Глава 1

Русская революция и путь Российской цивилизации

Между Февралем и Октябрем 1917 г.: суть выбора и предпосылки войны

Начало марта 1917 г. – праздник революции. Но то, что главный спор – впереди, чувствовалось всеми, кто наблюдал развитие этого спора, начиная с крестьянских восстаний 1902 г. 3 марта 1917 г. Валерий Брюсов написал стихотворение «В мартовские дни». Оно все полно смысла и предчувствий.

Приветствую Свободу!.. Свершился приговор!..
Но знаю, не окончен веков упорный спор,
И где-то близко рыщет, прикрыв зрачки, Раздор.

Наше общепринятое представление о гражданских войнах сильно деформировано официальным советским (а теперь и антисоветским) обществоведением. Поэтому мы даже при нынешней крайней нестабильности легко и беззаботно проглатываем совершенно ложные утверждения политиков. Вспомним, например, важное выступление Б.Н.Ельцина по телевидению 14 марта 1991 г. Он сказал тогда: «Не надо опасаться гражданской войны, потому что у нас нет противоречий между социальными слоями». А в ноябре 1993 г., после кровавых событий 3—4 октября, он же говорит: 6—7 октября в стране должна была начаться гражданская война, и, дескать, лишь при помощи расстрела Дома Советов ее удалось предотвратить. И оба эти ошибочных заявления принимаются значительной частью общества как вполне убедительные.

Говоря об угрозе войны, обычно упирают на чисто *классовые* причины, говорят о войне *за собственность*. На деле классовые интересы – лишь фон. Страшная гражданская война в США – насколько она была классовой? И почему в нашей Гражданской войне офицерство, выходцы из одного и того же класса, разделилось между красными и белыми ровно пополам? Сам вид крови соотечественника становится важнейшим фактором войны, по сравнению с которым часто бледнеет исходная причина. Важно умело разжечь первый очаг пожара. Босния – пример искусственного, почти лабораторного разжигания войны вообще без классовых предпосылок. Думаю, в истории вообще не было гражданских войн, вызванных «противоположными классовыми интересами трудящихся и эксплуататоров». Воюют не из непосредственно понимаемого классового интереса, а *«за правду»*.

Гражданская война в России была порождена не только классовым, но и *цивилизационным* конфликтом – по вопросу о том, как надо жить людям в России, в чем *правда* и *совесть*. В важной работе П.А.Сорокина «Причины войны и условия мира», опубликованной в 1944 г., он пишет:

Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и

контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения[1].

Февральская революция сокрушила одно из главных оснований российской цивилизации – ее государственность, сложившуюся в специфических природных, исторических и культурных условиях России. Тот факт, что Временное правительство, ориентируясь на западную модель либерально-буржуазного государства, разрушало структуры традиционной государственности России, был очевиден и самим пришедшим к власти либералам. Французский историк Ферро, ссылаясь на признания Керенского, отмечает это *уничтожение российской государственности* как одно из *важнейших явлений* Февральской революции.

Напротив, рабочие организации, тесно связанные с Советами, стремились укрепить *государственные* начала в общественной жизни в самых разных их проявлениях. Меньшевик И.Г.Церетели писал тогда об особом *«государственном инстинкте»* русских рабочих и их *«тяге к организации»*. При этом организационная деятельность рабочих комитетов и Советов определенно создавала модель государственности, альтернативную той, что пытались строить Временное правительство. Историк Д.О.Чураков пишет:

Революция 1917 г., таким образом, носила не только социальный, но и специфический национальный характер. Но это национальное содержание революции 1917 г. резко контрастировало с приходом на первые роли в обществе либералов-западников. Что это могло означать для страны, в которой национальная специфика имела столь глубокие и прочные корни? Это означало только одно – рождение одного из самых глубоких социальных конфликтов за всю историю России. И не случайно эта новая власть встречала тем большее сопротивление, чем активнее она пыталась переименовать «под себя» традиционное российское общество [2, с. 77].

Народ России в разгар войны был расколот примерно пополам (значит, не по классовому признаку). В армии Колчака, например, были воинские части из ижевских и боткинских рабочих – разве они считали, что воюют против рабочего класса? Очень важен для понимания характера конфликта раскол культурного слоя, представленного офицерством старой царской армии. В Красной Армии служили 70—75 тыс. этих офицеров, т.е. 30% всего старого офицерского корпуса России (из них 14 тыс. до этого были в Белой армии). В Белой армии служили около 100 тыс. (40%) офицеров, остальные бывшие офицеры уклонились от участия в военном конфликте.

В Красной Армии было 639 генералов и офицеров Генерального штаба, в Белой – 750. Из 100 командармов, которые были в Красной Армии в 1918—1922 годах, 82 были ранее «царскими» генералами и офицерами. Можно сказать, что цвет российского офицерства разделился между *красными* и *белыми* пополам. При этом офицеры, за редкими исключениями, вовсе не становились на «классовую позицию» большевиков и не вступали в партию. Они выбрали *красных* как выразителей определенного цивилизационного пути, который принципиально расходился с тем, по которому пошли *белые*.

Чистым, почти экспериментальным случаем можно считать политику *меньшевиков*, которые пришли к власти в Грузии. Руководил ими талантливый марксист Жордания, в прошлом член ЦК РСДРП (кстати, как и Сталин, исключенный из духовной семинарии). В отличие от меньшевиков в России, Жордания в Грузии убедил партию не идти на коалицию с буржуазией и взять власть. Сразу была образована Красная гвардия из рабочих, которая разоружила солдатские Советы, которые поддерживали большевиков (в этих Советах русские были в большинстве).

В феврале 1918 г. эта Красная гвардия подавила демонстрацию большевиков в Тифлисе. Само собой, турки пошли в наступление, легко разбили грузин, и тем пришлось призвать на помощь немецкую армию, а потом и британскую. Какова же была внутренняя политика правительства Жордании? Типично *социалистическая*. В Грузии была проведена стремительная аграрная реформа – земля помещиков конфискована без выкупа и продана в кредит крестьянам. Затем национализированы рудники и почти вся промышленность (по найму у частных собственников к 1920 г. в Грузии работало всего 19% занятых). Была введена монополия на внешнюю торговлю.

Таким образом, возникло типично социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое было непримиримым врагом Октябрьской революции. И это правительство вело войну против большевиков. Как это объясняется? Жордания объяснил это в своей речи 16 января 1920 г.:

Наша дорога ведет к Европе, дорога России – к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!
[3, с. 533]

Дело, конечно, не в речи. Важнее, например, что Жордания, следуя ортодоксальному марксизму, считал крестьянство частью буржуазии, и аграрная реформа свелась к приватизации земли на началах чистого индивидуализма и с сознательным подрывом всяких общинных отношений в деревне.

Другим примером может служить Юзеф Пилсудский, ставший диктатором Польши и начавший, под давлением Антанты, войну против Советской России в 1920 г. Он был революционером и социалистом, поклонником Ф.Энгельса, руководителем Польской социалистической партии. Но главным пунктом в его политической программе была «глубокая ненависть к России». Он был сослан по тому же делу о подготовке покушения, по которому был казнен брат Ленина Александр Ульянов. Находясь в ссылке в Сибири, он, по его признанию, «вылечился от остатков тогдашнего русского влияния, очистился для западноевропейского влияния». В 1895 г. он написал брошюру «Россия», в которой говорит почти дословно то же самое, что говорили наши демократы спустя сто лет, в начале 90-х годов XX века. Даже не верится, как можно с такой точностью повторять старые тезисы.

Кстати, чтобы знали нынешние украинские патриоты, правовым основанием для войны против РСФСР Пилсудский считал подписанный 21 апреля 1920 г. тайный договор с С.Петлюрой, которого сегодня так чтят наши украинские друзья. Петлюра был интернирован в Польшу и подписал с Пилсудским договор, согласно которому «Украинская Народная республика» уступала Польше Галицию и ряд других областей – до границ 1772 года! За это Польша бралась восстановить власть Директории на Украине. Текст договора можно прочесть в 5-м томе изданных в 1989 г. в Варшаве документов Пилсудского.

Конечно, делая здесь упор на *цивилизационном* характере Гражданской войны в России, мы ни в коем случае не должны забывать назревшего в обществе социального («классового») конфликта – конфликта, связанного с происходившей в России борьбой экономических *формаций*. Вторжение капитализма подорвало старое сословное общество и его государственность. Пафос этого наступления был воплощен во время Гражданской войны в идеологии белых. Те силы, которые не принимали капитализма, но чувствовали необходимость модернизации, шли за красными. Выход из исторического тупика, в который зашла Россия в формационном конфликте начала XX века, эти силы видели в установлении социалистического советского строя – новой, но не капиталистической формации.

Однако никакого противоречия между цивилизационным и формационным планами в нашем рассмотрении не возникает. Л.А.Гриффен пишет:

Каждый раз становление новой общественно-экономической формации сопровождалось также образованием новой «цивилизации», т.е. «общественно-экономическая формация» Маркса и «цивилизация» Тойнби представляют собой различные стороны одного и того же социального организма, рассматриваемого преимущественно в первом случае в общественно-экономическом, а во втором в политико-культурологическом аспектах [4, с. 284].

Таким образом, советский строй возникал как новая общественно-экономическая формация и в то же время приобретал важные новые цивилизационные черты по сравнению с дореволюционной Россией.

Уникальность русской революции 1917 г. в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться два типа государственности – буржуазная республика и Советская власть. Эти два типа власти были не просто различны по их идеологии, социальным и экономическим устремлениям. Они находились на двух разных и расходящихся ветвях цивилизации. То есть, их соединение, их «конвергенция» в ходе государственного строительства были невозможны. Разными были фундаментальные, во многом неосознаваемые идеи, на которых происходит становление государства, прежде всего представления о мире и человеке. Кстати сказать, поначалу особых идеологических различий между двумя типами власти и не было видно. Временное правительство не скупилось на «социалистическую» риторику.

Суть Октября как *цивилизационного* выбора отметили многие левые идеологи России и Европы. Лидер эсеров В.М.Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда М.И.Либер (Гольдман) видел корни стратегии Ленина в славянофильстве, на Западе сторонники Каутского определили большевизм как «*азиатизацию Европы*». Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто советский проект и представлявшие его большевики были силой Азии, в то время как и либералы-кадеты и даже марксисты-меньшевики считали себя силой *Европы*. Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой *войну цивилизаций*. Предвосхищая взгляды евразийцев, Н.Бердяев неоднократно и в разных вариациях высказывал, с примесью страха и отвращения, такую мысль: «Большевизм гораздо более традиционен, чем принято думать. Он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма» [5, с. 89].

В этой книжке я буду приводить много выдержек из дневника писателя М.М.Пришвина, вовлеченного в гущу событий в деревне и в столицах¹. Будучи крупным писателем, он был тесно связан с культурной средой, в том числе ее политически активной частью – Горьким, Блоком, Мережковским. С другой стороны, в начале 1917 г. он работал в Министерстве земледелия в отделе, ответственном за снабжение хлебом, и близко наблюдал развитие Февральской революции. Затем он поехал в деревню как делегат Временного комитета Государственной думы по Орловской губернии, где и провел основное время до Октября и годы Гражданской войны, наблюдая близко развитие взглядов и дела главных социальных действующих сил.

Когда летом 1917 г. начались крестьянские волнения, М.М.Пришвин проницательно записал в дневнике (5 июля), что либеральная революция потерпела крах, Россия пошла по какому-то совершенно иному пути:

Елецкий погром – это отдаленный раскат грома из Азии, и уже этого удара было довольно, чтобы все новые организации разлетелись, как битые стекла.

¹ Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917, 1918—1919, 1920—1922. М.: Московский рабочий.

Эта свистопляска с побоями – похороны революции.

Дни революции в Петрограде вспоминаются теперь как первые поцелуи единственного, обманувшего в юности счастья.

Еще более определенно оценили цивилизационный смысл Октябрьской революции западные традиционалисты. Вальтер Шубарт в своей известной книге 1938 г. «Европа и душа Востока» пишет:

Самым судьбоносным результатом войны 1914 года является не поражение Германии, не распад габсбургской монархии, не рост колониального могущества Англии и Франции, а зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу... Причем вопрос ставится не в форме «Третий рейх или Третий Интернационал» и не «фашизм или большевизм». Дело идет *о мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России...*

Сегодня Европа чувствует себя под серьезной угрозой русского большевизма. Если бы она пристальнее взгляделась в его облик, она обнаружила бы в нем свои собственные западные идеи, которые большевики лишь увеличили и огрубели до пародии, – идеи атеизма, материализма и прочий сомнительный хлам прометеевской культуры. То, чего Запад боится, – это не самих идей, а тех чуждых и странных сил, которые за ними мрачно и угрожающе вырисовываются, обращая эти идеи против Европы. Большевистскими властителями тоже руководит настроение противоположения Западу. То, что случилось в 1917 году, отнюдь не создало настроений, враждебных Европе, оно их только вскрыло и усилило. Между стремлениями славянофилов и евразийцев, между лозунгами панславизма и мировой революции разница лишь в методах, но не в цели и не в сути. Что касается мотивов и результатов, то все равно, будут ли призываться к борьбе славяне против немцев или пролетарии против капиталистов. В обоих случаях мы имеем дело с инстинктивной русской попыткой преодолеть Европу часть за частью, а затем и всю [6].

Западнические иллюзии начали очень быстро линять после Февраля даже в столицах. Разница между «февральской» и «горбачевской» демократиями заключается в том, что в 1917 г. людей реально поставили перед выбором, и в обществе возник *диалог*. Он шел непрерывно и в разных формах. Дневники М.Пришвина (как, кстати, и записки И.Бунина), содержат множество эпизодов. Вот, у Пришвина, запись от 1 марта 1917 г.:

Рыжий политик в очках с рабочим.

Рыжий:

– Так было везде, так было во Франции, так было в Англии и... везде, везде.

Рабочий задумчиво:

– А в России не было.

Рыжий на мгновение смущен:

– Да, в России не было. – И потом сразу: – Ну что же... – И пошел, и пошел, вплоть до Эльзас-Лотарингии.

В целом за отведенный ему историей срок буржуазное государство кадетов и социалистов приобрести легитимности не смогло – фактически ни в какой крупной социальной группе России. Главные причины коренятся в сути самого проекта, а также в незрелости тех сил, что формировали Временное правительство. Из этого вытекали и внешние, полити-

ческие причины. Вдохновители Февраля были *западниками*, их идеалом была буржуазная республика с опорой на гражданское общество и рыночную экономику – на то, чего в России не было. М.Вебер отмечал, что критерием господства «духа капитализма» является состояние умов рабочих, а не буржуа. В то время рабочие сохраняли мироощущение общинных крестьян – главного противника буржуазии в ходе буржуазных революций².

Сам идеал буржуазного государства был несовместим с устремлениями всех остальных, помимо буржуазии, классов и сословий России. Великий моралист Адам Смит определил его так:

Приобретение крупной и обширной собственности возможно лишь при установлении Гражданского правительства. В той мере, в какой оно устанавливается для защиты собственности, оно становится, в действительности, защитой богатых против бедных, защитой тех, кто владеет собственностью, против тех, кто никакой собственности не имеет.

Насколько это было далеко от массовой мечты российского населения об обществе-семье! Вот 13 марта 1917 г. М.М.Пришвин повстречал в банке старика-купца из провинции:

– Республика или монархия?
– Республика, потому что сменить можно.
– А как же помазанники?
– В Писании сказано, что помазанники будут от Михаила до Михаила – последний Михаил, и кончились. А теперь настало время другое, человек к человеку должен стать ближе, может быть, так и Бога узнают, а то ведь Бога забыли.

Не к гражданскому обществу свободных индивидов стремились люди после краха сословной монархии, а к христианской коммуне (обществу-семье). В столкновении этих двух разных образов будущего – то семья, из которого, к общему горю, выросла Гражданская война.

Два типа государственности, ставших врагами

Известно, что «классическая» гражданская война может возникнуть в двух случаях: или когда раскалывается примерно пополам армия и на одной территории возникают две разные враждебные государственности, или когда возникает неформальная вооруженная сила, по мощи сравнимая с армией. Первый случай был в Испании в 1936 г. Если армия переходит на сторону мятежников как целое, происходит не война, а переворот, как в Чили в 1973 г.

В России после распада армии в 1917 г., когда солдаты вернулись по домам с оружием, возникла комбинация обоих типов ситуации, чреватой гражданской войной. При этом надо помнить исторический факт – развал армии, ставший важной предпосылкой Гражданской войны, был произведен либеральным Временным правительством. 16 июля 1917 г. Деникин заявил в присутствии Керенского: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие... Развалило армию военное законодательство последних месяцев». Как писал генерал А.М.Зайончковский, автор фундаментального труда о Первой мировой войне, «армия развалилась

² М.М.Пришвин, близкий к либералам и эсерам, писал незадолго до революции, что «рабочие – посланники земли»: «Характерно для нашего движения, что рабочие в массе сохраняют деревенскую мужицкую душу. Пример Алекс. Вас. Кузнецов: он 25 лет был в Петербурге и вернулся к земле на свой хутор более мужиком, чем настоящие мужики; за это время мужики в деревне более подверглись влиянию города, чем он в городе».

при деятельной к этому помощи обоих неудачных революционных министров Гучкова и Керенского» [7, с. 177].

Надо сказать, что либерально-буржуазные политики, пришедшие к власти в результате Февральской революции, не могли не развалить армию царской России, как один из главных институтов монархической государственности. Сам ее «культурный генотип» был несовместим с мировоззрением и цивилизационными установками либералов-западников. В этом плане особенно красноречивы действия А.И.Гучкова, ставшего военным министром Временного правительства. Он был человеком умным и решительным, близким к армии и имевшим очень высокий авторитет среди офицерства и генералитета. Тем не менее он, следуя логике процесса, давал распоряжения и приказы, разрушавшие армию (например, за март было уволено около 60% высших офицеров). Правда, он объяснял это тем, что «мы не власть, а видимость власти, физическая сила у Совета рабочих и солдатских депутатов». Но баланс сил – лишь видимая часть проблемы. Министр финансов и затем министр иностранных дел Временного правительства М.И.Терещенко впоследствии сказал:

Будущие историки, знакомясь с историей нашей революции, действительно с изумлением увидят, что в течение первых ее месяцев, в то время, когда во главе военного ведомства стоял человек, который, вероятно, более всех других штатских людей в России и думал, и мыслил об армии, и желал ей успеха, поставил свою подпись под рядом документов, которые несомненно принесли ей вред [7, с. 119].

Дело было в том, что революционный процесс в самой армии шел столь же стихийно, как и в других частях общества, и либералы могли лишь пытаться в какой-то мере взять его под свой контроль, не выступая прямо против этого процесса. Например, выехав 5 апреля на фронт, военный министр был поражен тем, что генералы подумывали о том, чтобы вступить в партию эсеров, тогда самую популярную. Он писал:

Такая готовность капитулировать перед Советом даже со стороны высших военных, делавших карьеру при царе, парализовала всякую возможность борьбы за укрепление власти Временного правительства [7, с. 121].

Таким образом, министр Временного правительства с самого начала говорит о взаимоотношениях с Советами в терминах *войны*. На этом надо остановить внимание, потому что уже начиная с Февраля политиками, не принявшими цивилизационный вектор советского проекта, создавался весь механизм Гражданской войны. Она просто находилась в латентном, «инкубационном» периоде. Один из кандидатов на должность военного министра во Временном правительстве полковник Б.А.Энгельгардт писал в марте 1917 г.:

Чтобы остановить развивающееся движение, есть лишь одно средство: окунуть руки по локоть в крови, но в настоящую минуту я не вижу для этого ни возможностей, ни охотников [7, с. 122].

Конечно, рассуждение полковника нелогично – как может быть *средством* то, к применению чего нет *возможностей*! Для нас здесь важна именно констатация непримиримого конфликта между Временным правительством и стихийным движением масс. Этот конфликт перерос в Гражданскую войну именно тогда, когда «дети Февраля» получили для этого возможности и собрали «охотников». В их среде изначально существовала установка на Гражданскую войну.

Уже в Феврале в России возникло два типа государства, каждый из которых представлял особый цивилизационный путь – буржуазно-либеральное *Временное правительство* и «самодержавно-народные» *Советы*. Поначалу они сотрудничали, хотя столкновения нача-

лись быстро. И кадеты, и правые либералы были едины в своей ориентации на Запад и в намерении продолжать войну. В апреле военный министр А.И.Гучков заявил на большом совместном заседании правительства, Временного комитета Госдумы и Исполкома Петроградского Совета: «Мы должны все объединиться на одном – на продолжении войны, чтобы стать равноправными членами международной семьи».

В ответ 21 апреля в Петрограде прошла демонстрация против этой политики правительства, и она была обстреляна – впервые после Февраля. Как писали, «дух Гражданской войны» повеял над городом [7, с. 124]. Потом, к октябрю, Советы взяли верх, а структуры буржуазной государственности перебрались на периферию и стали готовиться к мятежу в союзе с интервентами с Запада. Активная часть офицерства бывшей армии раскололась примерно поровну.

Как «созревали» для войны оба типа государства? Историки (например, В.О.Ключевский) еще с 1905 г. предупреждали, что попытки сразу перейти от монархии к «партийно-политическому делению общества при народном представительстве» будут обречены на провал, но кадеты этого не поняли. В августе 1917 г. М.В.Родзянко говорил: «За истекший период революции государственная власть опиралась исключительно на одни только классовые организации... В этом едва ли не единственная крупная ошибка и слабость правительства и причина всех невзгод, которые постигли нас». Иными словами, буржуазная государственная надстройка, будь она принята обществом, стала бы его раскалывать по классовому принципу, как это и следует из теории Гражданского общества.

В отличие от этой буржуазно-либеральной установки, Советы (рабочих, солдатских и крестьянских) депутатов формировались как органы не классово-партийные, а *общинно-сословные*, в которых многопартийность постепенно вообще исчезла. Эсеры и меньшевики, став во главе Петроградского совета, и не предполагали, что под ними поднимается неведомая теория государственности крестьянской России, для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов – недоразумением.

На уровне государства Советы были, конечно, новым типом, но на уровне самоуправления это был именно традиционный тип, характерный для аграрной цивилизации, – тип военной, ремесленной и крестьянской демократии до-индустриального общества. Либералы-западники видели в этом архаизацию, даже «азиатизацию» России, возрождение ее древних архетипов, лишь прикрытых позднефеодальными и буржуазными наслоениями. М.М.Пришвин записал в дневнике 29 апреля 1918 г.: «Новое революции, я думаю, состоит только в том, что она, отменяя старое, этим снимает заслон от вечного, древнего».

В России Советы вырастали именно из крестьянских представлений об идеальной власти. Исследователь русского крестьянства А.В.Чаянов писал: «Развитие государственных форм идет не логическим, а историческим путем. Наш режим есть режим советский, режим крестьянских советов. В крестьянской среде режим этот в своей основе уже существовал задолго до октября 1917 года в системе управления кооперативными организациями».

Становление системы Советов было процессом «молекулярным», хотя имели место и локальные решения. Так произошло в Петрограде, где важную роль сыграли кооператоры. Еще до отречения царя, 25 февраля 1917 г., руководители Петроградского союза потребителей обществ провели совещание с членами социал-демократической фракции Государственной думы в помещении кооператоров на Невском проспекте и приняли совместное решение создать Совет рабочих депутатов – по типу Петербургского совета 1905 г. Выборы депутатов должны были организовать кооперативы и заводские кассы взаимопомощи. После этого заседания участники были арестованы и отправлены в тюрьму – всего на несколько дней, до победы Февральской революции.

Поначалу обретение Советами власти происходило даже вопреки намерениям их руководства (эсеров и меньшевиков). Никаких планов сделать советы альтернативной формой

государства у создателей Петроградского совета не было. Их целью было поддержать новое правительство снизу и «добровольно передать власть буржуазии».

Говоря о становлении после февраля 1917 г. советской государственности, все внимание обычно сосредоточивают именно на Советах, даже больше того – на Советах рабочих и солдатских депутатов («совдепах»). Но верно понять природу Советов нельзя без рассмотрения их низовой основы, системы трудового *самоуправления*, которая сразу же стала складываться на промышленных предприятиях. Ее ячейкой был *фабрично-заводской комитет* (фабзавком). Развитию этой системы посвящена очень важная для нашей темы книга Д.О.Чуракова «Русская революция и рабочее самоуправление» (М., 1998).

В те годы фабзавкомы возникали и в промышленности западных стран, и очень поучителен тот факт, что там они вырастали из средневековых традиций цеховой организации ремесленников, как объединение индивидов в корпорации, вид ассоциаций гражданского общества. А в России фабзавкомы вырастали из традиций крестьянской общины. Из-за большой убыли рабочих во время мировой войны на фабрики и заводы пришлось пополнение из деревни, так что доля «полукрестьян» составляла до 60% рабочей силы. Важно также, что из деревни на заводы теперь пришел середняк, составлявший костяк сельской общины. В 1916 г. 60% рабочих-металлистов и 92% строительных рабочих имели в деревне дом и землю. Эти люди обеспечили господство в среде городских рабочих общинного крестьянского мировоззрения и общинной самоорганизации и солидарности.

Фабзавкомы, в организации которых большую роль сыграли Советы, быстро сами стали опорой Советов. Прежде всего, именно фабзавкомы финансировали деятельность Советов, перечисляя им специально выделенные с предприятий «штрафные деньги», а также 1% дневного заработка рабочих. Но главное, фабзавкомы обеспечили Советам массовую и прекрасно организованную социальную базу, причем в среде рабочих, охваченных организацией фабзавкомов, Советы рассматривались как безальтернативная форма государственной власти. Общепризнана роль фабзавкомов в организации рабочей милиции и Красной гвардии.

Именно там, где были наиболее прочны позиции фабзавкомов, возник лозунг «Вся власть Советам!». На заводе Михельсона, например, это требование было принято уже в апреле, а на заводе братьев Бромлей – 1 июня 1917 г. На заводах и фабриках фабзавкомы быстро приобрели авторитет и как организация, поддерживающая и сохраняющая производство (вплоть до поиска и закупки сырья и топлива, найма рабочих, создания милиции для охраны материалов, заготовки и распределения продовольствия, налаживания трудовой дисциплины), и как центр жизнеустройства трудового коллектива. В условиях революционной разрухи их деятельность была так очевидно необходима для предприятий, что владельцы в общем шли на сотрудничество (67% фабзавкомов финансировались самими владельцами предприятий). Как писал печатный орган Центрального союза фабзавкомов «Новый путь», «при этом не получится тех ужасов, той анархии, которую нам постоянно пророчат... Отдельные случаи анархических проявлений так и остаются *отдельными*».

По своему охвату функции фабзавкомов были столь широки, что они сразу стали превращаться в особую систему самоуправления, организованного по производственному признаку (в этом, среди прочего, и их коренное отличие от аналогичных комитетов западных стран). Вот некоторые примеры. В конце августа 1917 г. комитет Шуйской мануфактуры постановил: «Открыть прачечную для рабочих своей фабрики со всеми удобствами для стирки.... Просить правление о расширении школы, ввиду того, что не хватает мест для детей рабочих всей фабрики». На заводе Михельсона при завкоме была культурная комиссия с театральной, библиотечной и лекционной секциями. Занимались фабзавкомы проблемами гигиены труда и охраны здоровья рабочих. Вот, например, объявление рабочего комитета Иваново-Вознесенской мануфактуры в начале осени 1918 г.:

Ввиду усиленной эпидемии заболевания ОСПОЙ среди рабочих нашей фабрики, где уже зарегистрировано более 30 случаев заболевания среди взрослых рабочих, предлагаем всем желающим принять прививку.... Товарищи! Для скорейшей борьбы с этой нежелательной гостьей убедительно просим не уклоняться от прививки, т.к. прививка за собой не несет никакой особенной боли на руке [2, с. 43].

В августе – сентябре 1917 г. стали частыми случаи взятия фабзавкомами управления предприятием в свои руки. Это происходило, когда возникала угроза остановки производства или когда владельцы отказывались выполнять те требования, которые фабзавком признавал разумными. В случаях, когда фабзавком брал на себя руководство фабрикой, отстраняя владельца, обычно принималось постановление: никаких особых выгод из этого рабочим не извлекать. Весь доход после выплаты зарплаты и покрытия расходов на производство поступал в собственность владельцев предприятия [2, с. 55].

В целом, как сказал на I Всероссийской конференции фабзавкомов, в ответ на обвинения их в соглашательстве с капиталистами, видный организатор этого движения Н.А.Скрыпник, «путем вмешательства в хозяйственные дела предприятия рабочие борются с *определенной системой, системой экономического взрыва* революции» [2, с. 52]. Принцип «чем хуже, тем лучше» был абсолютно несовместим с советским мировоззрением. При этом ценностные ориентации фабзавкомов были определенно антибуржуазными, и именно их позиция способствовала завоеванию большевиками большинства в Советах.

Важно то, что эта антибуржуазность органов рабочего самоуправления была порождена не классовой ненавистью, а именно вытекающей из мироощущения общинного человека ненавистью к классовому разделению, категорией не социальной, а цивилизационной. Фабзавкомы предлагали владельцам стать «членами трудового коллектива», войти в «артель» – на правах умелого мастера с большей, чем у других, долей дохода (точно так же, как крестьяне в деревне, ведя передел земли, предлагали и помещику взять его трудовую норму и стать членом общины). Ленин писал об организованном в рамках фабзавкома рабочем: «Правильно ли, но он делает дело так, как крестьянин в сельскохозяйственной коммуне» [см. 2, с. 86]. И всякое согласие представителей бывших привилегированных сословий находило отклик.

Вот пример. В завком большого Тульского оружейного завода поступила, уже зимой 1918 г., письменная просьба протоиерея Кутепова – собрать с рабочих отчисления на нужды собора, поскольку большинство молящихся в соборе были рабочими этого завода. Завком постановил:

Ввиду отделения церкви от государства и возложения обязанности содержания причтов и храмов на основаниях добровольных отчислений, признать для заводского комитета невозможным предлагать рабочим завода делать процентные отчисления на нужды Успенского собора и предложить причту Успенского собора непосредственно обратиться со своей просьбой к посещающим собор». Однако, учитывая, что «церковь завода самая древняя в Туле, основана в 1649 году и представляет собой памятник старины», а также то, что «причт работает не только в самой церкви, но и непосредственно в мастерских», завком решил «выделить ему оплату как всякому служащему [2, с. 126—127].

Из материалов, характеризующих устремления, идеологические установки и практические дела фабзавкомов в Центральной России, где ими было охвачено 87% средних предприятий и 92% крупных, определенно следует, что рабочие уже с марта 1917 г. считали, что они победили в революции и перед ними открылась возможность устраивать жизнь в соот-

ветствии с их представлениями о добре и зле. В постановлениях фабзавкомов, многие из которых написаны эпическим стилем, напоминающим крестьянские наказания и приговоры, нет абсолютно никакой агрессивности, а видна спокойная и даже радостная сила. Рабочие именно предлагали мир и братство и надеялись на эту возможность. Здесь не мог зародиться дух войны. Но когда войной на саму возможность справедливого жизнеустройства пошел с Юга союз всяческих господ, то именно эти рабочие и составили костяк Красной Армии. И их поход стал походом не против экономической эксплуатации, а против *зла*.

Чтобы понять суть конфликта в Гражданской войне и его глубину, надо вспомнить, что с самого начала организованного этапа борьбы она рассматривалась и рабочими, и крестьянами как *народное дело*. Они не считали ее ни бунтом, ни «политикой» – чисто западным явлением борьбы классов и групп за свои интересы. Народное святое дело!

Когда после Кровавого воскресенья, 29 января 1905 г., была учреждена комиссия для рассмотрения, совместно с промышленниками, требований рабочих («комиссия Шидловского»), то выдвижение политических требований на этой комиссии заранее было объявлено неприемлемым. Рабочие с этим согласились. Вот как они давали наказания своему представителю:

Ты там в комиссии-то насчет политики не больно... Ну ее к лешему! – О политике? Да Боже меня сохрани, но чтобы свободу слова дали... И нужно еще будет сказать, чтоб арестованных выпустили. Еще я думаю, – сказать, чтоб наши заседания в газетах печатались и все полностью, конечно... Нужно, мол, нам свободу союзов, собраний, а самое главное, свободу стачек... Насчет государственного страхования... – Не забудь чего-нибудь... Как сегодня все говорили, так там и валяй... А политики не нужно [8, с. 75]³

А вот опубликованная в то время запись одного разговора, который состоялся весной 1906 г. в вагоне поезда. Попутчики спросили крестьянина, надо ли бунтовать. Он ответил:

– Бунтовать? Почто бунтовать-то? Мы не согласны бунтовать, этого мы не одобряем... Бунт? Ни к чему он. Наше дело правое, чего нам бунтовать? Мы землю и волю желаем... Нам землю отдай да убери господ подале, чтобы утешения не было. Нам надо простору, чтобы наша власть была, а не господам. А бунтовать мы не согласны.

Один из собеседников засмеялся:

– Землю отдай, власть отдай, а бунтовать они не согласны... Чудак! Кто же вам отдаст, ежели вы только желать будете да просить... Чудаки!.

На это крестьянин ответил, что за правое дело народ «грудью восстанет, жизни своей не жалеючи», потому что, если разобраться по совести, это будет «святое народное дело» [9, с. 19].

Другой важный момент, который высвечивает история рабочего самоуправления в 1917 г., состоит в том, что появление фабзавкомов вызвало весьма острый мировоззренческий конфликт в среде социал-демократов, а после Октября и в среде большевиков. Меньшевики, ориентированные ортодоксальным марксизмом на опыт рабочего движения Запада, сразу же резко отрицательно отнеслись к фабзавкомам как «патриархальным» и «заскорузлым» органам. Они стремились «европеизировать» русское рабочее движение по образцу западноевропейских профсоюзов. Поначалу фабзавкомы (в 90% случаев) помогали организовывать профсоюзы, но затем стали им сопротивляться. Например, фабзавкомы стремились создать *трудовой коллектив*, включающий в себя всех работников предприятия, включая инженеров, управленцев и даже самих владельцев. Профсоюзы же разделяли этот коллектив

³ Кстати, комиссию в результате правительство созывать не стало, что привело к новой волне забастовок.

по профессиям, так что на предприятии возникали организации десятка разных профсоюзов из трех-четырех человек.

Часто рабочие считали профсоюзы чужеродным телом в связке фабзавкомы – Советы. Говорилось даже, что «профсоюзы – это детище буржуазии, завкомы – это детище революции». В результате к середине лета 1917 г. произошло размежевание – в фабзавкомах преобладали большевики, а в профсоюзах меньшевики. III Всероссийская конференция профсоюзов (21-28 июня 1917 г.) признала, что профсоюзы оказывают на фабзавкомы очень слабое влияние и часто на предприятиях просто переподчиняются им. Д.О.Чураков пишет:

В реальности, происходившее было во многом не чем иным, как продолжением в новых исторических условиях знакомого по прошлой российской истории противоборства традиционализма и западничества. Соперничество фабзавкомов и профсоюзов как бы иллюстрирует противоборство двух ориентации революции: стать ли России отныне «социалистическим» вариантом все той же западной цивилизации и на путях государственного капитализма двинуться к своему концу или попытаться с опорой на историческую преемственность показать миру выход из того тупика, в котором он оказался в результате империалистической бойни [2, с. 85].

После Октября конфликт марксистов с фабзавкомами обострился и переместился в ряды большевиков, часть которых заняла ту же позицию, что и меньшевики. Это выразилось в острой дискуссии по вопросу о рабочем контроле. Установка на государственный капитализм не оставляла места для рабочего самоуправления. Ленин с большим трудом провел резолюцию в поддержку рабочих комитетов, но пересилить неприязни к ним влиятельной части верхушки партии не смог.

Д.О.Чураков пишет об этой «неосознанной борьбе с национальной спецификой революции»:

Свою роль в свертывании рабочего самоуправления сыграли и причины доктринального характера. Если проанализировать позицию, которую занимали Арский, Гросман, Трахтенберг, Вейнберг, Зиновьев, Троцкий, Рязанов, Ципирович, Лозовский, Энгель, Ларин, Гастев, Гольцман, Вейцман, Гарви и многие другие, станет ясно, что многие деятели, самым непосредственным образом определявшие политику по отношению к рабочему самоуправлению, не понимали специфики фабзавкомов как организаций, выросших на российских традициях трудовой демократии, не разбирались, в чем именно эти традиции состоят [2, с. 166].

После Октября, особенно когда дело стало двигаться к Гражданской войне, вся советская часть России стала сдвигаться к военному коммунизму (превращаться в «военный лагерь») с неизбежной централизацией и огосударствлением. Рабочее самоуправление было свернуто, выбор власти был сделан в пользу управляемых из центра профсоюзов. Однако в дальнейшем, в процессе индустриализации, когда на стройки и на заводы пришла крестьянская молодежь, профсоюзы все же приобрели сущность *фабзавкомов*. Они не разделяли работников завода по профессиям, а всех объединяли в один трудовой коллектив. Конечно, если бы этот процесс шел не стихийно и осознавался не на интуитивном уровне, а с пониманием национальной цивилизационной специфики, было бы меньше издержек и в 30-е годы, и не произошло бы катастрофы 90-х годов.

Но вернемся к 1917 году. Та сила, которая стала складываться после Февраля сначала в согласии с Временным правительством, а потом и в противовес ему и которую впоследствии возглавили большевики, была выражением массового *стихийного* движения. Идейной

основой его был не марксизм и вообще не идеология как форма сознания, а народная философия более фундаментального уровня. Сила эта по своему типу не была и «партийной». Иными словами, способ ее организации был совсем иным, нежели в западном гражданском обществе. Ленин летом 1917 г. в работе «Русская революция и Гражданская война» писал:

Что стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустраимости, это несомненно. Почвенность пролетарской революции, беспочвенность буржуазной контрреволюции, вот что с точки зрения стихийности движения показывают факты.

В этом и заключается кардинальная разница между большевиками, которые были частью глубинного народного движения, помогая строить его культурную матрицу, и их противниками и оппонентами, в том числе в марксизме, которые воспринимали это глубинное движение как своего врага, как бунт, как отрицание революции – как *контрреволюцию*. М.М.Пришвин записал в дневнике 21 сентября 1917 г.: «Этот русский бунт, не имея в сущности ничего общего с социал-демократией, носит все внешние черты ее и систему строительства».

Конечно, в этой быстрой записи автор не точен – как может не быть *«в сущности ничего общего»* у двух общественных явлений, если они имеют одинаковые внешние черты (форму) и «систему строительства»? Напротив, здесь подмечено как раз наличие глубокого взаимодействия, синтеза русской революции и социал-демократии (большевизма). Но главный смысл этого наблюдения М.М.Пришвина все же в том, что революция накануне Октября уже воспринималась либеральной интеллигенцией как русский бунт – явление стихийное и враждебное программе Февраля. 10 октября 1917 г. М.М.Пришвин дописал:

Теперь всюду и все говорят о революции как о пропадаем деле и не считают это даже революцией.

– Неделю, – скажут, – была революция или так до похорон (то есть до похорон жертв революции 23 марта 1917 г. – С.К.-М.), а потом это вовсе не революция.

Понятно, что для Пришвина *«всюду и все»* означает ту петроградскую либеральную публику, в которой он в тот момент вращался.

Принимая от большевизма формы и «систему строительства», народная революция, конечно, наполняла их существенно новым содержанием. Так произошло, например, с понятием «диктатура пролетариата». К этому понятию, почерпнутому из марксизма, крестьяне были подготовлены самой их культурой. Она воспринималась русскими людьми как диктатура тех, кому нечего терять, кроме цепей, – тех, кому не страшно постоять за правду. Н.А.Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» писал:

Марксизм разложил понятие народа как целостного организма, разложил на классы с противоположными интересами. Но в мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом [5, с. 88].

Столь же далеким от марксизма было представление о буржуазии. Пришвин пишет (14 сентября 1917 г.): «Без всякого сомнения, это верно, что виновата в разрухе буржуазия, то есть комплекс «эгоистических побуждений», но кого считать за буржуазию?.. Буржуазией называются в деревне неопределенные группы людей, действующие во имя корыстных побуждений».

Таким образом, Октябрь открыл путь стихийному процессу продолжения российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю минуя государство

либерально-буржуазного типа. М.М.Пришвин записал в дневнике 30 октября 1917 г.: «Просто сказать, что попали из огня да в полымя, от царско-церковного кулака к социалистическому, минуя свободу личности». Это бессильная ругань, но смысл событий в ней ухвачен верно.

Ругайся не ругайся, а приходится признать, что после Октября в России установилась *народная* власть, и эта власть восстанавливала те принципы жизнеустройства, которые отвечали чаяниям подавляющего большинства людей и лежали на исторической траектории России. Вот, М.М.Пришвин, мечтавший о либеральном строе, проклинает испортивших дело либералов: «Виноваты все интеллигенты: Милюков, Керенский и прочие, – за свою вину они и провалились в Октябре, после них утвердилась власть темного русского народа по правилам царского режима. Нового ничего не вышло». За ворчанием здесь скрывается важная мысль: после Октября *утвердилась власть русского народа*; большевики выступили как реставраторы, даже как контрреволюционеры относительно либералов – именно из-за усилий большевиков *нового ничего не вышло*.

Год спустя сам М.М.Пришвин признает, что образ создаваемого Советского государства зарождался в самых глубинных слоях сознания и был новым воплощением традиционного представления о самодержавной власти. М.М.Пришвин записал в дневнике 14 декабря 1918 г.: «Это небывалое обнажение дна социального моря. Сердце болит о царе, а глотка орет за комиссара».

И хотя в условиях революционной смуты и разрухи у каждой отдельной личности не могло не быть обид на любую власть – озлобленную, без ресурсов и без контроля устоявшимся правом, – в крестьянской среде возникло общее чувство, что именно Советская власть выражает их *чаяния*. М.М.Пришвин записал в дневнике 28 декабря 1918 г.: «Иван Афанасьевич сказал мне в ответ на мысль мою о невидимой России: «Это далеко – я не знаю, а село свое насквозь вижу, и не найдется в нем ни одного человека, кто бы против коммунистов говорил без чего-нибудь своего, личного». На другой день Пришвин приписал к этому такую свою мысль: «А что никто не может возвысить голос против коммунистов по существу – это показывает, что или коммунисты правы, или не существует совести народной».

Понятно, что попытка отодвинутых в Октябре буржуазно-либеральных движений силой вернуть Россию на траекторию создания общества и государства по типу западного капитализма (хотя бы периферийного) не могла не вызвать Гражданской войны.

Принятие большевиками главных требований крестьян и идеи советской государственности означали важный отход от марксизма и от установки на усиление *классовой* структуры общества. Это чутко уловил А.М.Горький, который колебался между либерализмом и марксизмом. Он писал:

Когда в 17 году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои «тезисы», я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству [10].

Тяжело переживая крах либеральных иллюзий, Пришвин так выразил суть Октября: «горилла поднялась за правду». Но что такое была эта «горилла»? Стал Пришвин размышлять, из чего же она возникла. И уже 31 октября выразил эту правду почти в притче. Возник в трамвае спор о правде (о Керенском и Ленине) – до рычания. И кто-то призвал спорщиков: «Товарищи, мы православные!».

В бессильном отрицании признает Пришвин, что советский строй («горилла») – это соединение невидимого града православных с видимым градом на земле товарищей: «в

чистом виде появление гориллы происходит целиком из сложения товарищей и православных».

Глава 2

После Февраля 1917 г.: инкубационный период созревания войны

Отношение Временного правительства к вопросу о земле и создание «образа белых»

После короткого периода общего ликования на «празднике революции» Временное правительство стало испытывать нарастающее отчуждение, а потом и сопротивление не только крестьян и рабочих, но и части имущих классов. Противоречивость политики Временного правительства становилась вопиющей. Концы с концами не вязались ни в одном главном вопросе. Для возникновения гражданского общества требовалось сломать сословные барьеры и крестьянскую общину – но правительство, признав крах реформы Столыпина, не решалось на *демократическую земельную реформу*, тем более с ущемлением помещичьего землевладения.

Недооценка и даже, скорее, непонимание сущности вопроса о земле в крестьянской России и консерваторами, и либералами, и социалистами-западниками стало нашей национальной бедой. И тогда, и сейчас городской обыватель считает, что крестьяне России желали «отнять землю у помещиков». Это совершенно ошибочный стереотип. С момента реформы 1861 г. крестьяне вовсе не требовали и не желали экспроприации земли у помещиков, они понимали национализацию как средство справедливо разделить землю согласно трудовому принципу – чтобы и помещикам оставить, но столько, сколько он может возделывать своим трудом. Например, М.М.Пришвин решил жить в своей усадьбе и трудиться на земле – и ему оставили его «трудовую норму» в 16 десятин пашни. А.Н.Энгельгардт писал:

Газетные корреспонденты ошибочно передавали, что в народе ходят слухи, будто с предстоящей ревизией земли от помещиков отберут и передадут крестьянам. Толковали не о том, что у одних отберут и отдадут другим, а о том, что будут равнять землю. И заметьте, что во всех этих толках дело шло *только о земле* и никогда не говорилось о равнении капиталов или другого какого имущества...

Именно толковали о том, что будут равнять землю и каждому отрежут столько, сколько кто может обработать. Никто не будет обойден. Царь никого не выкинет и каждому даст соответствующую долю в общей земле. По понятиям мужика, каждый человек думает за себя, о своей личной пользе, каждый человек эгоист, только мир да царь думают обо всех, только мир да царь не эгоисты. Царь хочет, чтобы всем было *равно*, потому что всех он одинаково любит, всех ему одинаково жалко. Функция царя – всех *равнять*...

Крестьяне, купившие землю в собственность или, как они говорят, в вечность, точно так же толковали об этом, как и все другие крестьяне, и нисколько не сомневались, что эти «законным порядком за ними укрепленные земли» могут быть у «законных владельцев» взяты и отданы другим. Да и как же мужик может в этом сомневаться, когда, по его понятиям, вся земля принадлежит царю и царь властен, если ему известное распределение земли невыгодно, распределить иначе, *поравнять*. И как

стать на точку закона права собственности, когда население не имеет понятия о праве собственности на землю? [11, с. 402—403].

Надо подчеркнуть, что и в *духовно-религиозном* плане частная собственность на землю всегда трактовалась крестьянами как небогоугодное устройство. В этом своем убеждении крестьяне опирались не только на представления стихийного «народного» Православия, но и на поучения отцов Церкви. Вот, например, поучения преподобного Симеона Нового Божьего (949—1022). В Девятом «Огласительном слове» он говорит:

Существующие в мире деньги и имения являются общими для всех, как свет и этот воздух, которым мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Таким же образом все является общим для всех и предназначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит. Однако страсть к стяжанию, проникшая в жизнь, как некий узурпатор, разделила различным образом между своими рабами и слугами то, что было дано Владыкою всем в общее пользование. Она окружила все оградами и закрепила башнями, засовами и воротами, тем самым лишив всех остальных людей пользования благами Владыки. При этом эта бесстыдница утверждает, что она является владетельницей всего этого, и спорит, что она не совершила несправедливости по отношению к кому бы то ни было.

В другом месте Девятого «Слова» осуждение частной собственности носит еще более резкий характер:

Дьявол внушает нам сделать частной собственностью и превратить в наше сбережение то, что было предназначено для общего пользования, чтобы посредством этой страсти к стяжанию навязать нам два преступления и сделать виновными вечного наказания и осуждения. Одно из этих преступлений – немилосердие, другое – надежда на отложенные деньги, а не на Бога. Ибо имеющий отложенные деньги... виновен в потере жизни тех, кто умирал за это время от голода и жажды. Ибо он был в состоянии их напитать, но не напитал, а зарыл в землю то, что принадлежит бедным, оставив их умирать от голода и холода. На самом деле он убийца всех тех, кого он мог напитать⁴.

Таким образом, отрицание помещичьей собственности на землю приобретало не только политический, но и религиозный характер. Поэтому конфликт в земельном вопросе направлял Россию в русло непримиримого столкновения, которое и наблюдается во всех гражданских войнах с религиозным компонентом. Вопрос о земле был не только экономическим, и его невозможно было разрешить исходя из рационального расчета – речь шла о мировоззрении и представлении о желаемом жизнеустройстве в целом, в том числе и о путях развития, модернизации России. М.М.Пришвин записал в дневнике 27 декабря 1918 г.:

Что же такое эта земля, которой домогались столько времени? Земля – уклад. «Земля, земля!» – это вопль о старом, на смену которого не шло новое. Коммунисты – это единственные люди из всех, кто поняли крик «земля!» в полном объеме.

Вот чем, по большому счету, и была предопределена победа Октября и победа красных в Гражданской войне. Надо считать несчастьем России тот факт, что главные политические и философско-политические течения начала века, оттеснившие на обочину народников, сле-

⁴ Перевод сделан архиепископом Василием (Кривошеинным). Впервые опубликован в 1961 г. в «Вестнике Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата», № 38-39. Терминология перевода кажется слишком осовремененной (например, «частная собственность»), однако автор перевода приводит греческие слова оригинала и доказывает, что именно эти, кажущиеся современными нам, термины являются наиболее адекватными.

довали евроцентристским представлениям о человеке, собственности, хозяйстве. Не понимая мировоззрения крестьян, они невольно углубили общественный раскол, придали ему характер поистине религиозного конфликта.

В связи с земельным вопросом возникло нарастающее противостояние Временного правительства с крестьянством. В своей первой Декларации от 2 марта Временное правительство ни единым словом не упоминает о земельном вопросе. Лишь телеграммы с мест о начавшихся в деревне беспорядках заставляют его заявить 19 марта, что земельная реформа «несомненно станет на очередь в предстоящем Учредительном собрании», предупредив: «Земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата». Первые действия крестьян не были радикальными, они захватывали лишь те поля помещиков, что остались необработанными.

Но помещики верно поняли вектор, направление хода событий. Часть их радикализовалась быстро, и в их среде сложилась доктрина *мщения*. Это – важная идеологическая предпосылка Гражданской войны. Вот прокламация одного из помещичьих союзов, изданная в мае 1917 г. (опубликована в газете «Дело народа» в августе 1917 г.). Она начинается словами: «Будущие пролетарии – русские землевладельцы, – соединяйтесь!»

В заключение сказано:

Народ, отменивший смертную казнь как преступное убийство и вводящий в свои законы другое преступление – грабеж и захват как основу своего ленивого благосостояния, как не имеющий государственного смысла, – не должен и не может иметь своего государства. Как социалисты не признавали самодержавия, даже когда оно пользовалось всеобщим признанием, так и мы не можем признать преступной грабительской республики. При таких условиях нам не уйти от гибели, а нашим детям – от голода, потому что мы никогда не подчинимся велениям и законам преступного государства, которое хочет узаконить грабительский захват. Мы не найдем себе места в нашем бесшабашном отечестве, как не находили его социалисты. Но социалисты прибегали к мести и террору, другого средства борьбы у них не было. Очевидно, по этому ужасному пути придется идти также нам и нашим детям. Это так неизбежно, хотя горько и ужасно: сотни тысяч обнищавших землевладельцев непременно выделяют из своей среды десятую часть, т.е. десятки тысяч самых несчастных и пылких, а эти несчастные в одну темную ночь пойдут с коробкой спичек и с пузырьком керосина к десяткам тысяч грабительских сел и деревень, в которых будут скоро заседать в трогательном единодушии советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, убежавших туда после банкротства фабрик и заводов, и произведут всероссийскую иллюминацию, не щадя ни домов, ни лесов, ни посевов. Темным грабителям легче будет делить голую землю. А мы только в этом ужасном, неизбежном мщении обречем единственное утешение свое.

Союз несчастных землевладельцев [см. 12, с. 250—251].

Отказ пойти навстречу крестьянам был со стороны Временного правительства совершенно неправильной политикой – война довела крестьян до точки. Введя 23 сентября 1916 г. продразверстку, царское правительство формально установило твердые цены, но применялись они с сословной дискриминацией. И вот вывод раздела «Сельское хозяйство» справочного труда «Народное хозяйство в 1916 г.»:

Во всей продовольственной вакханалии за военный период всего больше вытерпел крестьянин. Он сдавал по твердым ценам. Кулак еще умел

обходить твердые цены. Землевладельцы же неуклонно выдерживали до хороших вольных цен. Вольные же цены в 3 раза превышали твердые в 1916 г. осенью [12, с. 227].

С самых первых дней революции крестьянство выдвинуло требование издать закон, запрещающий земельные сделки в условиях острой нестабильности. Это требование было настолько разумно, что помещик и либерал Пришвин записал уже 26 марта 1917 г.:

Что в аграрном нашем вопросе можно сплеча решить, не копаясь в статистике и в аграрной науке всякой,— это чтобы земля, во-первых, не была подножием политической власти земельного класса и, во-вторых, чтобы земля не была предметом спекуляции... Невозможно землю отобрать у частных владельцев, но возможно запретить ее продавать иначе как государству. Причем для мелкого землевладения и среднего можно сделать облегченные налоги, для крупного — такие большие, что продать ее государству будет необходимостью.

Всероссийский съезд крестьянских депутатов — сторонник Временного правительства — потребовал немедленно запретить куплю-продажу земли. Причина была в том, что помещики начали спекуляцию землей, в том числе ее дешевую распродажу иностранцам. Землю делили малыми участками между родственниками, закладывали по бросовой цене в банках. На хищническую порубку продавали леса, так что крестьяне нередко снимали стражу помещиков и ставили свою.

В первый же месяц революции число крестьянских выступлений составило 1/5 от числа за весь 1916 г. За апрель их число выросло в 7,5 раза. Правительство требует от комиссаров наведения порядка силой, а те в ответ телеграфируют, что это невозможно. Военные участвовать в усмирении отказываются, а милиция даже способствует выступлениям крестьян. К концу апреля крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний европейской части России. Декларация коалиционного правительства от 5 мая обещала начать преобразование землепользования «в интересах народного хозяйства и трудящегося населения», не дожидаясь Учредительного собрания, но правительство так и не издало ни одного законодательного акта во исполнение этой Декларации.

В день вступления в должность 3 мая новый министр земледелия эсер В.Чернов обещал издать закон о запрете купли-продажи земли, а министр юстиции даже разослал инструкцию нотариусам о приостановлении сделок. Но закон так и не был издан, и министр юстиции 25 мая отменил свое распоряжение. Попытка запрета земельных сделок была главным источником конфликтов и в самом правительстве. На него давили и Совет объединенных дворянских обществ (запрет продаж — «посягательство на гражданскую свободу»), и финансовый капитал в лице Комитета съездов представителей акционерных обществ. Товарищ министра земледелия писал: «Неоднократно мы вносили на обсуждение законопроекты, но как только внесем, кабинет трещит и разлетается».

Возникли беспорядки на селе, крестьяне пресекали сделки стихийно, и 12 июля Временное правительство передало вопрос о разрешении сделок земельным комитетам. Конфликт был перенесен вниз, так же, как и вопрос об арендной плате. В результате помещики организовались для борьбы с земельными комитетами, начались массовые аресты их членов и предание их суду. «Если так будет продолжаться,— заявил Чернов,— то придется посадить на скамью подсудимых три четверти России».

Новое коалиционное правительство в Декларации от 8 июля уже пообещало «полную ликвидацию разрушительной и дезорганизующей деревню прежней землеустроительной политики», опять предупредив против земельных захватов. Но В.Чернову удалось провести лишь постановление «о приостановлении землеустроительных работ», посредством кото-

рых проводилась столыпинская реформа. Это было вызвано тем, что крестьяне уже переключились с погрома помещичьих усадеб на погром «раскольников» – хуторян. Т.Шанин пишет:

Главная внутрикрестьянская война, о которой сообщали в 1917 г., была выражением не конфронтации бедных с богатыми, а массовой атакой на «раскольников», т.е. на тех хозяев, которые бросили свои деревни, чтобы уйти на хутора в годы столыпинской реформы [3, с. 278].

С августа начались крестьянские восстания с требованием национализации земли. Восстания подогрел крупный обман. 6 августа Временное правительство официально объявило, что установленные 25 марта твердые цены на урожай 1917 г. «ни в коем случае повышены не будут». Крестьяне, не ожидая подвоха, свезли хлеб. Помещики же знали, что в правительстве готовится повышение цен, которое и было проведено под шумок, в дни корниловского мятежа. Цены были удвоены, что резко ударило по крестьянству нехлебородных губерний и по рабочим.

К осени 1917 г. крестьянскими беспорядками был охвачен 91% уездов России. Для крестьян (и даже для помещиков) национализация земли стала единственным средством прекратить войны на меже при переделе земли явочным порядком. Из дневников М.М.Пришвина видно, что тотальная Гражданская война началась в России именно летом 1917 г. – из-за нежелания Временного правительства решить земельную проблему. К лету 1918 г. она лишь разгорелась, обрета противостоящие идеологии.

Пойти на национализацию земли Временное правительство не могло, поскольку уже в 1916 г. половина всех землевладений была заложена, и национализация земли разорила бы банки (которые к тому же почти все были иностранными). Вечером 24 октября Предпарламент небольшим большинством принял резолюцию левых фракций о передаче земли в ведение земельных комитетов – впредь до решения вопроса Учредительным собранием. Ночью, уже 25 октября, эту резолюцию отвезли в Зимний дворец, чтобы потребовать от правительства ее утвердить.

Как пишет лидер меньшевиков Ф.Дан, вручавший резолюцию Керенскому, левые надеялись, что правительство даст согласие, сразу же будут отпечатаны и расклеены по городу афиши, а в провинции разосланы телеграммы о передаче крестьянам всех помещичьих земель и начале переговоров о мире. Но Керенский ответил, что правительство «в посторонних советах не нуждается, будет действовать само и само справится с восстанием». В тот же день, 25 октября, это правительство было без боя смещено. А.Ф.Керенский перед смертью честно написал о себе: «Ушел один, отринутый народом».

За период с февраля по октябрь 1917 г. крестьяне могли составить для себя совершенно четкое представление об отношении буржуазно-либерального государства (даже в коалиции с социалистами) к земельному вопросу в России. Появление Белого движения как военной силы, угрожающей провести программу Временного правительства в жизнь, в то же время означало для крестьян угрозу утратить полученную от Советской власти землю. Эта угроза была важным фактором раскручивания маховика Гражданской войны.

После Октября: надежды на мирный исход

Статья А.Грамши «Революция против *«Капитала»*», написанная в январе 1918 г., содержит такую важную мысль:

Создается впечатление, что в данный момент максималисты [большевики] были стихийным выражением [действия], биологически необходимого для того, чтобы Россия не претерпела самый ужасный распад,

чтобы русский народ, углубившись в гигантскую и независимую работу по восстановлению самого себя, с меньшими страданиями перенес жестокие стимулы голодного волка, чтобы Россия не превратилась в кровавую схватку зверей, пожирающих друг друга [13].

Граммши видит в том факте, что Россия просто, без боя и без выборов, отдала власть большевикам, *биологическую* закономерность – неосознаваемое в рациональных понятиях ощущение, что это – единственный путь к спасению в национальной катастрофе. Об этом чувстве в разных вариациях писал и Пришвин. Огромная тяга к миру, возникшая сразу после Февральской революции, вовсе не означала только стремления к выходу из империалистической войны – люди надеялись на мир в самой России, в ее «мире». М.М.Пришвин записал в дневнике 31 марта 1917 г.:

Многим непонятен призыв к миру Совета, думают, что этот мир значит слабость, а на деле это призыв сильный, более сильный, чем «Война!»: мир всего мира – то, о чем молятся только в молитве «О мире всего мира!» – это признается рабочими... Это совершенно то же самое, о чем с детства столько лет мы слышали в церкви, когда дьякон, потряхивая кудрявыми волосами, возглашает: «О мире всего мира Господу помолимся!»

Я сказал об этом своему соседу в Совете депутатов, и он ответил мне на это:

– Правда ваша, но только теперь к Богу приближает нас не молитва, а правда и дело!

Бескровно получив власть в октябре 1917 г., Советское правительство, естественно, делало все возможное, чтобы избежать Гражданской войны. Тем более войны не желали массы крестьян и рабочих. Это общий принцип – разрешить конфликт крайними средствами, то есть войной, стремится сторона, понесшая невосполнимую утрату, особенно если она ощущает себя загнанной в угол. Рабочие и крестьяне считали, что они победили в революции, и все их помыслы уже были направлены на то, чтобы обустроить жизнь согласно их представлениям о справедливом порядке. Никаких побудительных мотивов к войне у них быть просто не могло. Война для них могла быть лишь вынужденной обороной против тех сил, которые угрожали лишить их завоеваний революции.

Известный тезис о «превращении войны империалистической в войну гражданскую» имел чисто теоретический характер и, поскольку до Февраля большевики политического влияния не имели, никакого воздействия на общественную практику не оказал. После Февраля он был снят и заменен лозунгом *справедливого демократического мира*. После Октября, во время наступления немцев, был выдвинут лозунг «Социалистическое Отечество в опасности».

С целью предотвратить столкновение было сделано много примирительных жестов: отмена смертной казни (это был первый декрет II Съезда Советов), освобождение без наказания участников первых антисоветских мятежей, в том числе их руководителей; многократные предложения левым партиям образовать правительственную коалицию; отказ от репрессий по отношению к членам Временного правительства и перешедшим в подполье депутатам Учредительного собрания, даже отказ от репрессий против участников опасного мятежа левых эсеров в июле 1918 г. в Москве (были расстреляны лишь 13 сотрудников ВЧК, причастных к убийству посла Мирбаха) и амнистия в честь первой годовщины Октября.

В.В.Кожин подробно разбирает показательный пример того, как в начале 90-х годов создавался миф о том, что большевики с самого начала вели дело к Гражданской войне. В книге «При свете дня» (М., 1992) В.Солоухин уверяет, что «по личным распоряжениям, по указаниям, приказам Ленина уничтожено несколько десятков миллионов россиян». Для

убедительности этого нелепого утверждения он начинает счет прямо с ночи 25 октября 1917 г., когда якобы по приказу Ленина арестованных в Зимнем дворце министров Временного правительства «не мешкая ни часу, ни дня, посадили в баржу, а баржу потопили в Неве».

В ответ В.В.Кожинев излагает реальную судьбу министров, большинство которых прожило долгую жизнь. Все они были вскоре после ареста освобождены. Из пятнадцати министров восемь эмигрировали, семь остались в России. Из них в результате репрессий погиб в 1938 г. один – министр земледелия С.Л.Маслов. До этого он был видным деятелем Центросоюза и преподавал в МГУ. Кстати, из пятнадцати наркомов первого Советского правительства в ходе репрессий погибло десять, а еще трое не успели попасть под репрессии, т.к. умерли раньше.

Военный министр генерал А.А.Маниковский во время Гражданской войны был начальником снабжения Красной Армии. Морской министр Д.Р.Вердеревский уехал во Францию, а в 1945 г. явился в посольство СССР и принял советское гражданство. Министр путей сообщения А.В.Ливеровский стал в СССР видным специалистом по транспорту, строил «Дорогу жизни» к блокадному Ленинграду. Один из министров, С.Н.Третьяков, эмигрировал во Францию, стал виднейшим агентом советской контрразведки (с 1929 г.) и в 1943 г. был казнен немцами [14, с. 262—264].

В.В.Кожинев не касается того вопроса, который нас здесь интересует, но связь очевидна: то, как Советская власть обошлась с арестованными министрами свергнутого Временного правительства, говорит именно об установке на мирное развитие событий, а никак не отражает поджигательских устремлений. Было бы, кстати, уместно вспомнить, что, придя к власти, Временное правительство арестовало старейшего сановника Б.В.Штюрмера, бывшего с января по ноябрь 1916 г. председателем Совета министров, министром внутренних и министром иностранных дел. Его заключили в Петропавловскую крепость, где он и умер.

Есть еще один вполне научный способ взглянуть на то, как отнеслась Советская власть после октября 1917 г. к деятелям высшего ранга в царском и Временном правительстве. В последние годы многие исторические книги издаются снабженными прекрасными указателями. Иногда именные указатели снабжены краткими биографиями. Вот, например, очень интересная книга А.С.Сенина о лидере партии октябристов А.И.Гучкове [7]. Человек исключительной воли и энергии, любимец армии, он с 1895 г. находился в гуще всех политических событий и тесно общался с большим числом виднейших государственных и общественных деятелей. Поэтому именной указатель книги А.С.Сенина с краткими биографическими сведениями по объему составляет почти половину от собственно текста книги. Перечисленные в нем персоны – представительная выборка. Когда прочитаешь этот указатель, поражает судьба всех этих деятелей после Октября 1917 г. Как же исказила наше представление официальная советская история! Ведь большая часть тех, кто пережил Гражданскую войну, сыграли огромную роль в государственном, хозяйственном и научном строительстве СССР.

Почти подряд идут такие фигуры. А.Н.Крылов – председатель правления Путиловских заводов, проектировщик первых русских линкоров, академик, с 1919 г. начальник Морской академии Рабоче-Крестьянского Красного Флота, лауреат Сталинской премии 1941 г. А.Н.Куропаткин, военный министр в 1898—1904 гг., после Октябрьской революции (в возрасте 70 лет) на преподавательской работе. Н.Н.Кутлер, министр землеустройства и земледелия, управляющий главными поземельными банками (Дворянским и Крестьянским), зам. министра внутренних дел, с 1921 г. член правления Госбанка РСФСР, разработчик денежной реформы 1922—1924 гг.

После Октября в целях примирения Советская власть смотрела сквозь пальцы на нарушение официальных запретов: летом 1918 г. издавалась газета запрещенной партии кадетов, выходили газеты меньшевиков и анархистов. Даже после разгрома ВЧК «анархистских

центров» в Москве Н.Махно летом 1918 г. приезжал в Москву и имел беседы с Лениным и Свердловым.

Первые месяцы Советской власти породили надежды на мирный исход революции без крупномасштабной войны. О том, что эти надежды советского руководства были искренними, говорят планы хозяйственного и культурного строительства и особенно начавшаяся реализация крупных программ. Например, открытие в 1918 г. большого числа (33) научных институтов, организация ряда геологических экспедиций, начало строительства сети электростанций или программа «Памятники республики»⁵. Никто не начинает таких дел, если считает неминуемой близкую войну.

13 декабря 1917 г. были опубликованы «Тезисы об Учредительном собрании» – важнейшая после Апрельских тезисов работа В.И.Ленина о государственном строительстве в русской революции. В ней говорилось, что возможность сосуществования двух типов государственности исчерпана, поскольку крестьянство и армия определенно перешли на сторону Советской власти, а буржуазные силы начали с ней вооруженную борьбу (восстание Каледина, действия буржуазных режимов на Украине, в Белоруссии, в Финляндии и на Кавказе).

Отказ правых эсеров от сотрудничества с Советской властью направил события в худший коридор. Признание эсерами Советской власти, по мнению В.И.Ленина, предотвратило бы Гражданскую войну. Он писал:

Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы Гражданскую войну в России невозможной.

Но признать власть Советов эсеры и меньшевики не согласились, и та часть народа, что поддерживала эту ветвь социалистического движения в революции, сложилась в достаточную для Гражданской войны «критическую массу».

Сделаем маленькое отступление, связанное с деятельностью ВЧК. Довольно часто ее поминают как институт советского государства, который своими жестокими репрессиями способствовал разжиганию Гражданской войны. Это представление, на мой взгляд, ошибочно. О ВЧК созданы «симметричные» мифы – официальный героический, а сегодня официальный черный. Если вдуматься, оба они предельно неправдоподобны. Для нас сейчас важнее черный миф, о нем и речь.

Достаточно задать себе простой вопрос: могло ли реально советское правительство, сидящее в Петрограде и Москве – без аппарата, без денег (банки отказывались оплачивать счета правительства), без кадров и без связи – создать в одночасье мощную всеохватывающую спецслужбу, способную провести по всей стране репрессии в таких масштабах, чтобы породить Гражданскую войну? Спросим друг друга: сколько сотрудников насчитывала ВЧК, скажем, в начале 1918 г.?

Число сотрудников ВЧК в конце февраля 1918 г. не превышало 120 человек, а в 1920 г., к концу войны – 4500 человек. По всей стране! Провести широкие репрессии, которые приписывают ВЧК, она не могла просто в силу своей величины. В ноябре 1920 г. на ВЧК была возложена *охрана границ* (до этого граница охранялась «завесами» – подвижными отрядами). Тогда численность персонала ВЧК к 1921 г. достигла максимума – 31 тыс. человек. Если посмотреть на одно только здание ФСБ в Москве, то можно понять, насколько ничтожной по масштабам была эта страшная ВЧК, о которой создан миф как о палаче России⁶.

⁵ Эта программа была предписана Декретом СНК и утверждена 30 июля 1918 г. Только в Москве и Петрограде предполагалось установить 167 памятников великим революционерам и деятелям мировой и русской культуры (например, Андрею Рублеву, Тютчеву, Врубелю).

⁶ Кстати, нелишне вспомнить, что консультантом ВЧК был генерал-лейтенант и генерал-майор свиты В.Ф.Джунковский

Другое дело, что на местах начали действовать губернские и уездные ЧК, которые создавались уже в обстановке войны. Это значит, что они никак не могли стать ее «пусковым механизмом». Известно, что в их «молекулярных» делах было много эксцессов, произвола и преступлений. Правовая система только-только формировалась, местные органы власти, в том числе ревтрибуналы, руководствовались «классовым чутьем» и здравым смыслом. Потому нередко были приговоры типа «к расстрелу условно». Но наивно думать, что местные ЧК следовали какой-то переданной из Москвы инструкции и находились под контролем центра. Даже среди сотрудников ВЧК высшего уровня были фракции, которые не подчинялись Дзержинскому и Ленину (они пошли с удостоверениями ВЧК и убили посла Германии Мирбаха).

Вообще государственная вертикаль складывалась медленно и уже *после* войны. А в 1918 г., бывало, отдельные волости объявляли себя республикой и учреждали Народный комиссариат иностранных дел. М.М.Пришвин оставил заметки о том, как происходило местное законотворчество до принятия в июле 1918 г. первой Конституции РСФСР. Вдумаемся в такой факт, важный для нашей темы,— 25 мая 1918 г. Елецкий Совет Народных Комиссаров постановил «передать всю полноту революционной власти двум народным диктаторам, Ивану Горшкову и Михаилу Бутову, которым отныне вверяется распоряжение жизнью, смертью и достоянием граждан» («Советская газета». Елец. 1918. 28 мая, № 10).

В целом Советское государство усиленно создавало механизм, подавляющий тенденцию к Гражданской войне, но сила его оказалась недостаточной. Даже для тех действий, которые сегодня многие относят к разряду ошибочных или преступных, в тот момент было трудно предсказать итоговый эффект с точки зрения разжигания или гашения войны. К таким действиям относится *красный террор*.

Надо сделать общую оговорку. Подходить к социальным конфликтам масштаба революции с позиции абстрактного гуманизма в лучшем случае наивно. Более того, отказ государственной власти от насилия (философский образ такой власти в русской истории представлен царем Федором Иоанновичем) ведет к Смуте и самым большим по масштабам страданиям населения. В условиях кризиса государственности принципом реального гуманизма является политика, ведущая к *минимуму* страданий и крови, а не к их отсутствию.

Террор (от фр. слова *ужас*) государства обычно имеет целью подавить эскалацию действий его внутренних врагов созданием обстановки страха, парализующего волю к сопротивлению. Для этого проводится краткая, но интенсивная и, главное, наглядная, вызывающая шок репрессия. Принцип террора — неотъемлемая часть революционной традиции Нового времени, он юридически обоснован Робеспьером и философски — Кантом. Робеспьер писал: «В революцию народному правительству присущи одновременно добродетель и террор: добродетель, без которой террор губителен, и террор, без которого добродетель бессильна». В России все революционные партии принимали идею террора, социал-демократы отрицали лишь террор индивидуальный. Противниками любого террора были именно консерваторы и «реакционеры» (в частности, «черносотенцы»).

Советское государство объявило красный террор как ответ на обострившийся летом 1918 г. белый террор, после покушения на В.И.Ленина 30 августа (в организации белого террора, были, кстати, замешаны английские спецслужбы, что признает в своих мемуарах посол Локкарт). Станкевич В.Б., занимавший в 1917 г. пост комиссара Временного правительства при Верховном главнокомандующем, в эмиграции писал, отвечая тем, кто возлагал вину за террор на большевиков: «[говорят]: «Мы защищались». Но ведь и большевики тоже защищаются. И террор, и массовые казни появились лишь после того, как мы объявили им

(1865—1938), в 1913—1915 гг. товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов. Хотя он и был в 1919 г. приговорен к 5 годам лишения свободы, ему для работы консультантом были созданы условия. После освобождения из тюрьмы он занимался педагогической работой.

войну». Строго говоря, «белый» и «красный» террор – не отдельные явления, а две части единой системы, они питали друг друга. Белый террор летом 1918 г. был самым реальным и необратимым объявлением Гражданской войны – террор всегда является прологом к гражданским войнам, «сожжением мостов». Он повязывает кровавой круговой порукой «своих» и создает психологическую обстановку «кровавой мести» у противника.

Государственным документом, введившим красный террор, было воззвание ВЦИК (от 2 сентября), выполняющим его органом – ВЧК. Самой крупной акцией был расстрел в Петрограде 512 представителей высшей буржуазной элиты (бывших сановников и министров, даже профессоров). Списки расстрелянных вывешивались (по официальным данным, всего в Петрограде в ходе красного террора было расстреляно около 800 человек)⁷. Прекращен красный террор был постановлением VI Всероссийского съезда Советов 6 ноября 1918 г. В большинстве районов России он был фактически закончен в сентябре-октябре 1918 г., то есть продолжался один-два месяца.

Видимо, красный террор скорее подтолкнул к расширению Гражданской войны, чем отвратил от нее. Парализовать сопротивление Советской власти с помощью страха не удалось. Если же считать террор акцией *уже начавшейся* войны, то он привел к резкому размежеванию и «очистил тыл» – вызвал массовый отъезд активных противников Советской власти в места формирования Белой армии и районы, где Советская власть была свергнута (например, в Казани во время красного террора было расстреляно всего 8 человек, т.к. «все контрреволюционеры успели сбежать»).

Сегодня, когда хорошо изучен процесс разжигания и эскалации примерно десятка гражданских войн последних десятилетий (Ливан, Нигерия, Шри Ланка, Югославия и др.), когда выявлена роль в этом процессе государства, можно реконструировать весь период от февраля 1917 г. до конца 1918 г. как систему *становления и воспроизводства* Гражданской войны (более строго, становление этой системы следовало бы рассматривать начиная с 1905 г.). Советское государство было *одним из* действующих элементов этой системы – элементом, располагающим очень небольшими средствами для воздействия на фундаментальные процессы самоорганизации.

За годы перестройки критика политики Советского государства в тот период делала упор на известных дефектах и эксцессах. Критики, к сожалению, не выявили тех пороговых точек, на которых, по их мнению, был сделан принципиально неверный *выбор*. Такой структурный анализ был бы очень полезен. Даже частные решения, которые многие современные авторы представляют как явно ошибочные, выглядят по-иному, как только их помещаешь в более широкий контекст. Так, «демократизация» армии после Октября, – выборность командиров и отмена символов иерархии (погон) – конечно, завершала разрушение старой армии и создавала большую опасность. Однако известно, что те корпуса и армии, где эти меры провести не удалось (1-й Польский корпус, Чехословацкий корпус, армии Румынского фронта), стали готовой и организованной ударной силой, которая начала Гражданскую войну.

По-видимому, на всех фатальных «перекрестках», на которых ему приходилось делать выбор из очень малого набора вариантов, Советское государство не сделало тяжелых, а тем более *очевидных тогда* ошибок. Причина национальной катастрофы России – в совокупности массивных, фундаментальных факторов. Вопрос о том, могло ли Советское правительство посредством более тонкой и точной политики предотвратить Гражданскую войну, имеет чисто академический интерес. Скорее всего, ресурсов для этого у новой власти было недо-

⁷ Надо подчеркнуть, что занижать число расстрелянных не имело смысла, ибо цель террора – именно *запугать* противника (в отличие, например, от репрессий 1937 г., цель которых заключалась в том, чтобы ликвидировать реальных или мнимых противников, в том числе потенциальных). Потому и вывешивались списки.

статочно. Реальную ценность сегодня имеет выявление тех факторов, которые вели процесс к войне.

Носители милитаризма в России

Мы видели, что к 1918 г. в России созрел множественный и многоплановый социальный конфликт. Он разрядился Гражданской войной. Срыв в войну происходит в момент неустойчивого равновесия, когда его можно сдвинуть буквально одним пальцем. В такие моменты, бывает, решающую роль играют не фундаментальные *предпосылки*, а действие «поджигателей» – тех поначалу сравнительно небольших, но активных общественных групп, которые создают напряженность высокого накала и служат «запалом» (или пусковым двигателем, стартером механизма войны).

Из каких же общественных групп и субкультур исходил в 1918 г. импульс войны? Рассмотрение всех активных политических сил показывает, что «воля к войне» концентрировалась именно в тех силах, что соединились в Белом движении. Это рассмотрение уместно провести в рамках методологического подхода, который был применен при исследовании генезиса Первой мировой войны. Недавно опубликован хороший обзор этих исследований, и его главные выводы вполне соответствуют по своей структуре нашей задаче [15]. Начало этому важному направлению в социологии положено такими учеными, как Макс Вебер в Германии и Торстен Веблен в США.

Является общепринятым, что разные общественные группы в разной степени склонны к военным методам разрешения конфликтов. И эмпирические наблюдения, на которых основан этот вывод, подкреплены историческим и логическим анализом. Вывод этот дополняется новыми аргументами в самое последнее время, уточняется, но не отвергается.

Так, например, признано, что само становление современного капитализма, для которого была абсолютно необходима экспансия – овладение источниками сырья и рынками сбыта, – было сопряжено с длительными крупномасштабными войнами. Эти войны были связаны с захватом колоний, подавлением или уничтожением местного населения, войной между самими колонизаторами за контроль над территориями и рынками, захватом и обращением в рабство больших масс людей в Африке и т.д. Все эти войны стали частью процесса формирования *буржуазии*. В результате в ее мышлении и даже мироощущении военный способ достижения целей занимает важное место.

Именно в буржуазной культуре естественный человек представлен как существо, ведущее «войну всех против всех», и именно здесь родился афоризм «война – это продолжение политики другими средствами». Более того, в смягченной форме идея военного решения конфликтов лежит в основе концепции деловой конкуренции и торговых войн. Как говорят, *буржуазия – агент войны*. Не вызывает сомнения, что, начиная с 1918 г., российская буржуазия как класс была на стороне Белого движения.

На деле надо говорить о тесном союзе российской буржуазии с буржуазией стран Антанты как активных «агентов» и организаторов Первой мировой войны, накопивших огромную инерцию этой «генерирующей войну» деятельности. Так, важная буржуазная общественная организация *военно-промышленные комитеты* уже с лета 1918 г. занималась материально-техническим снабжением Добровольческой армии, а 31 октября 1918 г. совещание ее руководства постановило передать все капиталы Центрального военно-промышленного комитета Ростовскому ВПК, т.е. Деникину [7, с. 134—135].

Но, как считают историки, воля к войне буржуазии многократно возрастает в тех случаях, когда буржуазия может создать союз с *традиционной аристократией* и *феодалным государством*. Такой «сплав» возник, например, в Германии во времена Бисмарка. Очень похожая конструкция сложилась в зонах Белого движения в 1918 г. Буржуазия, поме-

щики-землевладельцы и осколки сословного бюрократического аппарата монархического государства. Не так уж важно при этом, что осколки лишившегося власти аристократического чиновничьего аппарата, будучи включенными в Белое движение, не ставили задачи реставрации монархии. Их реванш был бы успешным и в случае возврата на траекторию Временного правительства, поскольку оно было вполне готово интегрировать этот аппарат в либерально-буржуазную государственность. История показывает, что в случае всех буржуазных революций аппарат монархического государства в слегка модернизированном виде сохраняется и при экономическом господстве буржуазии⁸.

Для землевладельцев и феодальной иерархии военные действия – культурно близкий способ достижения целей. По мнению ряда исследователей войн, эта культурная особенность складывалась исторически в течение длительного времени. В начале это была свойственная феодалам привычка к *набегам* как способу демонстрации силы и установления желаемого порядка⁹. Архетипы набега с передвижением вооруженной силы особенно характерны для культуры землевладельцев, в то время как для буржуазии более важны виртуальные набеги в виде торговых агрессий и денежных спекуляций. В Белом движении роль этого архетипа усилилась благодаря соединению в нем дворян-помещиков с казаками, для которых набег как образ действий даже еще не ушел в коллективное бессознательное, а сохранился на уровне стереотипа. Тактика белых во многом и базировалась на рейдах-набегах.

Наконец, важным элементом дворянской культуры, предопределяющим ее милитаризм, исследователи считают понятие *чести*. В основании его у дворянства лежит старый смысл: сохранить честь – значит «не уступить». Вспомним хотя бы логику приведенного выше воззвания «бедных землевладельцев» – «в одну темную ночь пойти с коробкой спичек и с пузырьком керосина к десяткам тысяч сел и деревень и произвести всероссийскую иллюминацию, не щадя ни домов, ни лесов, ни посевов».

Кроме того, обостренное понятие чести притупляет инстинкт самосохранения, что резко облегчает сползание к войне. Если же возникает локальное сообщество, в котором референтной группой (авторитетным ядром) оказывается дворянское офицерство с его традиционным культом воинской доблести – поручики Голицыны и корнеты Оболенские – то, как сказано в обзоре, «получается настоящая горячая смесь».

Символом этого сплава воинской чести, дворянской ненависти и интеллигентского мессианизма стали выраженные в художественных образах *каппелевцы* с их психической атакой на рабоче-крестьянское быдло —

С папироской смертельной в зубах
Офицеры последней выточки...

Причем наиболее воспламеняемой ее частью оказывается т.н. «нищанская интеллигенция», которая отводит себе роль преемника аристократии и начинает вещать в понятиях «этнической чести». Мол, «русское поле, русское по-о-ле, я твой тонкий колосок!»

Именно такая горячая смесь и собралась на юге России в 1918 г. Интеллигенция, как прошедшая войну в качестве офицеров, так и вступившая в Добровольческую армию из

⁸ А.С.Донде ссылается на книгу американского историка А.Майера, который считает Великую войну 1914—1945 гг. ««последней судорогой»» европейских Старых режимов. За исключением России, где Старый режим был замещен принципиально иным типом государственности (Советы), в Европе главные политические институты, и прежде всего армия, остались носителями культуры Старого порядка. Чувствуя себя исторически обреченным, этот порядок стал очень агрессивным. В России 1918 г. носители Старого порядка явно собрались в Белом движении, придав ему большой заряд агрессивности.

⁹ А.С.Донде в своем обзоре отмечает, что «культура набега (налета) в наше время почти адекватно воспроизводится в уголовной практике». Это надо учесть тем, кто размышляет о вариантах развития событий в нынешней криминализованной России.

мессианского понимания своего долга перед Россией, сыграла в разжигании войны большую роль (эта роль интеллигенции подчеркивается в исследовании всех гражданских войн последних десятилетий). Макс Вебер специально подчеркивал, что из-за склонности к морализаторству интеллигенция превращает ценности в объект конфронтации и нагнетает напряженность. Слишком уж она ревнива и подозрительна, падка до сведения счетов.

Это было характерно для русской интеллигенции начала XX века, с ее неукорененностью ни в одном сословии и очень неопределенным статусом. Таким образом, во время выборов во II Государственную думу одна либеральная газета писала:

Побывайте на предвыборных собраниях— и вы увидите картину вражды и озлобления в лагере русской интеллигенции. Цвет мысли и образования, люди с именами и авторитетом выступают, чтобы взаимно облить друг друга ядом недоверия, чтобы посеять в народных массах подозрение к чужому толку [7, с. 152].

Массивные социальные группы и классы — рабочие и крестьяне,— составившие базу советского движения, не включаются социологами в число «агентов войны». Для них война всегда была *бедствием*. У них всегда было другое *дело*, и большой набег белых с их союзниками-интервентами сделал войну трагической необходимостью:

Слушай, рабочий,
Война началась.
Бросай свое дело,
В поход собирайся.

Одним из социальных компонентов Белого движения, обладавших ярко выраженной «волей к войне», была революционная интеллигенция, воспитанная в партии социалистов-революционеров. Как было сказано выше, именно эта партия и сделала формальное объявление войны Советской власти. Ю.Давыдов в предисловии к книге Б.Савинкова «Воспоминания террориста» пишет:

Он блокировался с направлениями любого оттенка, лишь бы антибольшевистское. Даже и с монархистами, полагая, что наши бурбоны чему-то научились. Савинков готов был признать любую диктатуру (включая, разумеется, собственную), кроме большевистской.... Он бросался за помощью к англичанам, французам, белочехам и белополякам. Он командовал отрядами карателей, бандами подонков, наймитами, шпионами. Пути-дорожки «савинковцев» чадили пожарищами, дергались в судорогах казненных [16, с. 15].

Наконец, свой вклад в нагнетание напряженности сделала и радикальная еврейская интеллигенция, разошедшаяся по разные стороны всех баррикад во время русской революции. После поражения белых из официальной истории исчезли упоминания об участии еврейской буржуазии и интеллигенции в Белом движении, но понятно, что их роль оставалась очень важной и в антисоветских партиях (эсеров и меньшевиков), и в деятельности анархистов, и в экономическом обеспечении белых. Достаточно вспомнить, что директор-распорядитель Всероссийского горнопромышленного общества М.С.Маргулиес с декабря 1917 по июнь 1918 г. был председателем Центрального Военно-промышленного комитета и непосредственно занимался финансированием формирования Добровольческой армии [7, с. 134].

До какой степени довлел в сознании белых этот агрессивный принцип «не уступить», показывает политическое поведение той части эмиграции после поражения в Гражданской

войне, которая продолжила дело Белого движения. Ими владело стремление *не дать подняться* России под властью Советов. Если уж нас выгнали – так получайте! В январе 1922 г. Врангель пытался мобилизовать торгово-промышленные и банковские круги эмиграции на срыв экономических переговоров западных держав с Советской Россией в Генуе. Затем была сделана ставка на террор.

После убийства 10 мая 1923 г. в Лозанне советского дипломата Воровского эмиграция буквально подкупила суд, оправдавший белогвардейцев-террористов (адвокатом был «видный создатель швейцарского фашизма» Т.Обер). Как писал проводящий через кадетов сбор денег А.И.Гучков, «подсчитано, что для всей этой инсценировки требуется до 50 тыс. французских франков». После суда он писал Питириму Сорокину:

«Никогда еще в истории вообще и, в частности, в истории нашего отечества не был в такой степени указан террор, как средство борьбы с властью, как именно в настоящий момент в России» [7, х. 143].

В 1927 г., в разгар антисоветской кампании в Великобритании, Гучков писал П.Б.Струве о необходимости «физически уничтожить правящую из Кремля кучку,... организовать коллективное политическое убийство». При этом никакой нравственной проблемы в обращении к террору бывший лидер либерально-консервативной партии октябристов не видел. Он спокойно обсуждал это с либеральным философом, кадетом Струве, писал ему о терроре:

Никогда и нигде эти методы борьбы не находили себе такого блестящего оправдания и с точки зрения морали, и с точки зрения патриотизма, и с точки зрения целесообразности [7, с. 144].

Тут он явно ошибся во всех трех пунктах. Как бы в компенсацию за такое его злое отношение к Советской России его дочь В.А.Гучкова стала сотрудничать с советской разведкой – исключительно из идейных соображений (она была богатой и знатной дамой высшего света русской эмиграции).

Глава 3

Ненависть изгнанных хозяев жизни

Как раскрутился маховик войны

Вялотекущая Гражданская война началась в момент Февральской революции, когда произошел слом старой государственности. Строго говоря, произошло именно то *превращение войны империалистической в войну Гражданскую*, о котором говорили большевики. Они это именно *предвидели*, а вовсе не «устроили» – никакой возможности реально влиять на события в Феврале 1917 г. большевики вообще не имели.

Если уж в практическом плане говорить о превращении империалистической войны в войну революционную, Гражданскую, то в качестве *политической* доктрины эту идею взяла на вооружение именно либерально-буржуазная партия кадетов. В одном письме августа 1917 г. лидер кадетов П.Н.Милюков писал:

Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота принято нами вскоре после начала этой войны, знаете также, что ждать мы больше не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство, вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования [7, с. 153].

Насчет успеха весеннего наступления и ликования народа – это домыслы профессора-кадета. А на деле этапы превращения внешней войны в Гражданскую ощущались обществом. М.М.Пришвин записал в дневнике 21 мая 1917 г.:

По городам и селам успех имеет только проповедь захвата внутри страны и вместе с тем отказ от захвата чужих земель. Первое дает народу землю, второе дает мир и возвращение работников. Все это очень понятно: в начале войны народ представлял себе врага-немца вне государства. После ряда поражений он почувствовал, что враг народа – внутренний немец. И первый из них, царь, был свергнут. За царем свергли старых правителей, а теперь свергают всех собственников земли. Но земля неразрывно связана с капиталом. Свергают капиталистов – внутренних немцев.

Хочу подчеркнуть эту очень важную мысль, которую высказал М.М.Пришвин: в ходе вызревания Гражданской войны будущий враг («капиталисты и помещики») стал обретать образ иного народа, «внутренних немцев». Это – не часть русского народа, даже напротив, этот «внутренний немец» – *враг народа*. Поэтому призрак грядущей Гражданской войны утрачивал неприемлемые черты братоубийства, запрещенного традицией и христианской моралью. То, что в рациональном сознании являлось превращением внешней, международной войны в войну Гражданскую, в народном сознании испытывало обращение, инверсию – Гражданская война воспринималась как война с иным, враждебным народом. Более того, в сознании крестьян еще во время революции 1905—1907 гг. война за землю принимала черты *Отечественной* войны, а «кровопийные помещики» становились «внутренними французами».

По мере того, как идеологи буржуазно-либеральной программы и те социальные слои, которые ее поддерживали, приходили к выводу, что она идет в разрез с настроениями большинства, зарождался и соблазн подавить эту «реакционную массу» через войну, объявлен-

ную ей «авангардом». Этот соблазн возник до Октября. М.М.Пришвин записал в дневнике 8 сентября 1917 г.:

Всюду говорят, что большевики трусы, а почему-то все их очень боятся. Все старики эсеры и все меньшевики-оборонцы говорят, что большевизм основан на проповеди мира, то есть эгоизма материального, утробного, и этому они ничего не могут противопоставить, кроме слов. Их слова лопаются в воздухе, как мыльные пузыри. Словам не за что уцепиться... Что же это сильное, что рано или поздно противопоставится чертовому искушению народа? Будет это новое имя старого Бога (прежнее имя не действует) или дубинка здорового народа, который восстановит лицо свое в Гражданской войне?

Через полгода белые, белая кость, и стали тем «здоровым народом», о котором мечтал либерал Пришвин и который поднял дубинку Гражданской войны против «нездорового, эгоистического» большинства русских.

Военные столкновения и вспышки насилия большей или меньшей интенсивности происходили до конца 1917 г., и события октября не выделялись из этой череды. Например, «корниловский мятеж» в августе по своим размерам был гораздо более крупной войсковой операцией. Но в тот период еще не существовало необходимой для войны психологической основы – стороны расходились миром или дело ограничивалось небольшими стычками. Взаимная ненависть назревала постепенно. Важным моментом в этом процессе было образование на Юге России Добровольческой армии «белых».

Во время перестройки много писали (да и еще пишут) о «расказачивании» и, наоборот, о возрождении казачества сегодня. Но при этом обходят молчанием тот примечательный факт, что именно на Дон и Кубань, в казачьи области сбежали из столиц генералы, предполагавшие организовать Гражданскую войну против Советской власти. Конечно, раны Гражданской войны затянулись во время индустриализации и Отечественной войны, и не хотелось бы поминать старые разломы, но надо, раз уж мы хотим извлечь урок из истории.

Казаки в начале XX века представляли собой особую, относительно остальной части России очень богатую часть земледельческого населения. Они обладали большими наделами самой плодородной земли и значительными льготами. Достаточно сказать, что в 1909 г., когда в половине губерний с населением 60 млн. человек зерна, за вычетом семян, было произведено по 15 пудов на душу, на Кубани такой остаток зерна составлял 58,8 пуда, а в области Войска Донского 74,8 пуда. Это огромная разница, и ради сохранения этих преимуществ казаки в массе своей были готовы поддержать антисоветское движение.

Да и до этого экономическая сторона «бытия» во многом определяла сознание казаков и побуждала их быть надежной карательной силой царского правительства во время крестьянских волнений в Центральной России. В свою очередь, и крестьяне воспринимали казаков как *карателей*, что отражено в многочисленных наказах и приговорах крестьян в 1905—1907 гг. Понятно, что отношение основной массы крестьян к Белому движению, зародившемуся в казачьих областях, изначально было враждебным.

Первая задача любой революционной власти – предотвратить ее ликвидацию военным путем, пока новая власть не оформилась и не получила минимума поддержки населения. Самый опасный период – первые часы и дни, когда даже информация о взятии власти еще не распространилась в обществе. Сразу же после 25 октября 1917 года Советской власти пришлось отражать наступление на Петроград войск Керенского – Краснова, а в самом Петрограде ликвидировать выступление юнкеров. Эти контрреволюционные выступления не были успешными, в них был виден упадок сил и духа всего проекта Временного правительства, исчерпавшего свой потенциал.

После Октябрьской революции *вооруженные силы* страны составляли отряды Красной гвардии, рабочей милиции, части старой армии, которые поддерживали Советскую власть. Красная гвардия к моменту Октябрьской революции была уже ощутимой силой: накануне восстания она насчитывала по стране более 100 тысяч человек, ее отряды имелись в более чем 100 городах. Одной из причин падения Временного правительства было нежелание солдат продолжать войну. Ввиду явной опасности, что с фронта в глубь страны хлынет неорганизованный поток вооруженных дезертиров, Советское государство сразу приступило к демобилизации старой армии.

Одновременно был начат процесс создания новой постоянной и регулярной армии (обсуждалась и возможность реорганизации старой армии *без ее демобилизации*, но она была признана нереальной). 15 января 1918 г. СНК принимает декрет «О рабоче-крестьянской Красной Армии», которая создавалась на классовой основе и на принципе добровольности (29 января 1918 г. вышел декрет о создании рабоче-крестьянского Красного флота на тех же основах, что и Красная Армия). Для вступления в ряды Красной Армии необходимы были рекомендации войсковых комитетов, парторганизаций и профсоюзов или, по крайней мере, двух членов этих организаций. При вступлении целыми частями требовалась круговая порука всех и поименное голосование.

Принцип добровольности был вызван тем, что война надоела народу и общественное сознание отвергало идею воинской повинности. Но весной 1918 г. началась иностранная военная интервенция, и ВЦИК ввел всеобщую воинскую повинность. Созданные на местах военкоматы вели комплектование армии. К концу 1918 г. в стране действовал 7431 военкомат. Важным шагом в становлении армии было введение в ноябре 1918 г. формы для военнослужащих, а в январе 1919 г. – знаков различия для командного состава. В сентябре 1918 г. был учрежден орден Красного Знамени, которым награждались за храбрость и мужество в боях. Все это говорит о том, что становление советской государственности и ее вооруженных сил произошло очень быстро, так что устранить их без Гражданской войны было уже невозможно. И представители потерявших свои привилегии сословий и классов вместе с правящими кругами Запада сделали ставку на *войну*.

Фактически решение о войне было принято на Западе и реализовано в виде интервенции. Хрупкое равновесие было сломано. Первым актом систематической войны была высадка английских войск на Севере и мятеж чехословацкого корпуса в Поволжье. Подготовка к войне, хотя бы на уровне доктрины и подбора кадров, велась задолго до Октября. Колчак писал в личном письме: «17 июня я имел совершенно секретный и важный разговор с послом США Руттом и адмиралом Гленноном я ухожу в ближайшем будущем в Нью-Йорк. Итак, я оказался в положении, близком к кондотьеру». В начале августа Колчак приехал в Лондон, где встречался с морским министром, затем в США, где совещался с министрами и самим президентом Вудро Вильсоном. Его назначение Верховным правителем России было подготовлено уже тогда.

Надо вспомнить важнейший исторический факт принятия *вполне сознательного* решения о начале Гражданской войны. Она вовсе не выросла из стихийных волнений крестьян или казаков против Советской власти – эти волнения были фоном всей политической жизни России с марта 1917 г. и вовсе не обязательно должны были «сложиться» в войну. Внутри России критическим моментом стал мятеж чехословацкого корпуса. Именно это и послужило *для эсеров* сигналом к объявлению войны Советскому государству. Вот слова В.М. Чернова об этом решении, которое последовало после начала мятежа белочехов:

В этих условиях в июне 1918 г. Поволжский областной комитет ПСР [партии социалистов-революционеров] заключил с уральским казачьим войском союз для ликвидации большевистской диктатуры и провозглашения власти Учредительного собрания в Поволжье и Приуралье. Центральный комитет ПСР... этот союзный договор утвердил[17].

Далее белочехи заняли Самару, и 8 июня эсеры образовали Комитет членов Учредительного собрания, который объявил себя верховной властью в России, а затем начал мобилизацию в армию. 30 июня 1918 г. в Омске при участии интервентов было создано Сибирское правительство из меньшевиков, эсеров и кадетов. Оно провозгласило «государственную самостоятельность Сибири». В ноябре здесь же Колчак был провозглашен Верховным правителем России. Запад поставил ему около миллиона винтовок, несколько тысяч пулеметов, полмиллиона комплектов обмундирования – под залог в виде трети золотых запасов России. Цепь этих акций и была началом полномасштабной Гражданской войны.

Таким образом, для всего понимания этого периода истории мы обязаны твердо запомнить и обдумать этот факт: Гражданская война против Советской власти не выросла стихийно, она была начата и даже *объявлена* в результате вполне конкретных решений, принятых вполне конкретными политиками. И начата была эта война *социалистической революционной* партией. Но той партией, которая вступила в союз с российской буржуазией и с Западом – против того большого проекта, который был порожден традициями и историей русского народа, а возглавлен большевиками.

Война Февраля с Октябрем

Важно подчеркнуть, что война «белых» против Советского государства не имела целью реставрировать Российскую империю в виде монархии. Это была «*война Февраля с Октябрем*» – столкновение двух *революционных* проектов¹⁰. Против большевиков стояли березовские и Собчаки начала века вместе с кровавым мясником Б.Савинковым. Тут, надо признать, сильно повредила и официальная советская пропаганда, которая для простоты сделала из слова «революция» священный символ и представляла всех противников Ленина «контрреволюционерами». Была даже написана песня о том, как «Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон».

В столкновении Гражданской войны «белые» вовсе не были патриотами, которые хотели спасти царя-батюшку и Русь-матушку от злых большевиков-марксистов, агентов еврейского социализма. Монархически настроенные офицеры в Белой армии были оттеснены в тень, под надзор контрразведки (в армии Колчака действовала «тайная организация монархистов», а в армии Деникина, согласно его собственным воспоминаниям, монархисты вели «подпольную работу»). Это подробно разобрано в книге В.В.Кожина [18, с. 57]. В частности, В.В.Кожин приводит слова виднейшего деятеля Белой армии генерала Слащова-Крымского (он послужил прообразом генерала Хлудова в пьесе М.Булгакова «Бег»), который писал, что по своим политическим убеждениям эта армия представляла из себя следующее:

Мешаниной кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов... «Боже Царя храни» провозглашали только отдельные тупицы, а масса Добровольческой армии надеялась на «учредилку», избранную по «четырёххвостке», так что, по-видимому, эсеровский элемент преобладал.

Во всех созданных белыми правительствах верховодили деятели политического масонства России, которые были непримиримыми врагами монархии и активными организаторами Февральской революции. Противником сильной царской империи был и Запад, кото-

¹⁰ Вторым сходным по ожесточению, но краткосрочным столкновением, уже внутри лагеря «красных», были репрессии 1937—1938 гг. Это была одна из кампаний большой Гражданской войны в России. И в этом случае речь шла о непримиримых *цивилизационных* противоречиях (во всяком случае, более глубоких, нежели противоречия между большевиками и монархистами).

рый на деле и определял действия белых. Некоторые историки специально подчеркивают этот фактор. Так, С.В.Волков, сам явно симпатизирующий Белому движению, пишет витиевато, но вполне определенно:

Белые армии в огромной степени зависели от помощи союзников по Первой мировой войне, чьи правительства под давлением внутренних сил относились к возможности выдвижения лозунга восстановления монархии крайне отрицательно 9].

Те белые армии, которые выступили под монархическими знаменами (Южная и Астраханская), уже к осени 1918 г. были полностью ликвидированы. В целом же, как отмечал сам Деникин, белое офицерство «политикой и классовой борьбой интересовалось мало. В основной массе своей оно являлось элементом чисто служилым, типичным «интеллигентным пролетариатом» (там же, с. 74). Но очевидно, что от «интеллигентного пролетариата» монархических настроений уж никак нельзя было ожидать. А вот враждебность к монархии, по инерции Февральской революции, была. Хотя она и ослабевала по мере ожесточения войны, а также перетока «интеллигентного пролетариата» в Красную Армию (в эмиграции белые генералы и офицеры стали гораздо более монархистами, чем в России). Но вспомним исходные условия для Гражданской войны.

Тогда враждебность будущих вождей Белого движения к российской монархической государственности проявлялась не только в их программных заявлениях и общей направленности действий, но и в исключительно красноречивых символических жестах. В.В.Кожин приводит такой эпизод. Критическим событием, положившим начало Февральской революции, был бунт 27 февраля учебной команды лейб-гвардии Волынского полка, которая отказалась выйти для пресечения «беспорядков». Начальника команды, штабс-капитана, солдаты выгнали из казармы, а фельдфебель Кирпичников выстрелом в спину убил уходящего офицера. В хаосе начавшейся революции этот эпизод канул бы в историю, но ему было придано именно символическое значение – командующий Петроградским военным округом генерал-лейтенант Л.Г.Корнилов лично наградил Кирпичникова Георгиевским крестом – наградой, которой удостаивали только за личное геройство [14, с. 206—207]. Одно это событие нанесло тяжелый удар по армии.

В 1995 г. была опубликована стенограмма допроса генерала Л.Г.Корнилова в чрезвычайной комиссии Временного правительства после провала его мятежа. О своих политических взглядах Л.Г.Корнилов сказал:

Я заявлял, что всегда буду стоять за то, что судьбу России и вопрос о форме правления страны должно решать Учредительное собрание... я заявлял, что никогда не буду поддерживать ни одной политической комбинации, которая имеет целью восстановление дома Романовых, считал, что эта династия в лице ее последних представителей сыграла роковую роль в жизни страны.

Он сказал, что 26 августа, перед началом попытки переворота, он собрал узкое совещание, на котором был обсужден состав будущей хунты. Вот слова Корнилова:

Был набросан проект Совета Народной обороны с участием Верховного Главнокомандующего в качестве председателя, А.Ф.Керенского – Министра-заместителя, г. Савинкова, генерала Алексева, адмирала Колчака и г. Филоненко. Этот Совет обороны должен был осуществить коллективную диктатуру, так как установление единоличной диктатуры было признано нежелательным. На посты других министров намечались гг.

Тахтамышев, Третьяков, Покровский, граф Игнатьев, Аладьин, *Плеханов*, князь ПЕЛЬвов, Завойко[20] (выделено мной.– С.К.-М.)

Таким образом, в списке будущих министров при диктаторе Корнилове мы видим, помимо его близких соратников, имя основоположника российской социал-демократии, виднейшего марксиста Г.В.Плеханова. В это надо вдуматься, чтобы понять суть противостояния между белыми и красными, между меньшевиками и большевиками.

Вот другой примечательный эпизод. Как известно, между Временным правительством и Советами быстро возник непримиримый конфликт относительно проблемы мира и войны. В мае 1917 г. общественная организация крупной буржуазии, Центральный военно-промышленный комитет, создала в сотрудничестве с правительством Отдел пропаганды. Он должен был наладить массовый выпуск листовок, воззваний и брошюр для пропаганды политики продолжения войны. Искали лучших и авторитетных авторов, и вот с кем была достигнута договоренность: Г.В.Плеханов, В.И.Засулич, В.Н.Фигнер, Л.Г.Дейч, Н.С.Чхеидзе, Г.А.Лопатин, Б.В.Савинков. Все это виднейшие деятели революционного движения и даже основатели российской социал-демократии. По главнейшему тогда вопросу они стояли на антисоветской позиции.

В 1937 г., к двадцатилетию Белого движения, в Нью-Йорке Главным правлением Союза русских военных инвалидов была выпущена книга «Белая Россия», своего рода манифест, собрание тезисов о смысле Движения. В.В.Кожинков взял из нее красноречивые выдержки. Так, генерал С.В.Денисов, сподвижник наиболее консервативного из организаторов движения, П.Н.Краснова, пишет в этой книге:

Все без исключения Вожди, и Старшие и Младшие... приказывали подчиненным содействовать Новому укладу жизни и отнюдь никогда не призывали к защите Старого строя и не шли против общего течения.... На знаменах Белой Идеи было начертано: к Учредительному Собранию, т.е. то же самое, что значилось и на знаменах Февральской революции.... Вожди и военачальники не шли против Февральской революции и никогда и никому из своих подчиненных не приказывали идти таковым путем.

Как сказано в другом месте в той же книге, в программе Белого движения «нет и тени каких бы то ни было реставрационных вождедений». В.В.Кожинков приводит выдержки из дневника генерал-лейтенанта А.П.Богаевского. Это один из видных деятелей Белой армии, дворянин из казаков, ближайший сподвижник Деникина и Врангеля, войсковой атаман Войска Донского, одно время бывший председателем «Правительства Юга России». Это – один из наиболее консервативных вождей Белого движения. Каковы же его установки, как он видит российскую государственность? Попад в 1920 г. в Севастополь, он вспоминает Россию времен Николая I: «Тяжкой памятью в истории России останутся годы бесчеловечного рабства,, жесток был гнет полицейско-жандармского режима». Это – рассуждения типичного либерала. 1 марта 1920 г. он пишет:

Сформировано Южнорусское правительство... вместе дружно работают– *социалист* П.М.Агеев (министр земледелия) и *кадет* В.Фзеелер (министр внутренних дел).... Дело стало за Парламентом, как полагается во всех благовоспитанных демократических государствах [14, гл. 6].

И это, повторяю, один из наиболее консервативных, наиболее «монархических» белых вождей. Главнокомандующий Русской армией (белых войск в Крыму) П.Н.Врангель назначил министром иностранных дел белого правительства бывшего марксиста кадета П.Б.Струве. Ни о каком возрождении России-матушки при таких вождах не могло быть и

речи. Тут полная несовместимость с идеалами и интересами подавляющего большинства населения России.

Важным фактором, сыгравшим фатальную роль в возникновении Гражданской войны, был и *«наполовину европейский»* тип мышления значительной части культурного слоя России – той части буржуазно-дворянской элиты, что и приняла решение разорвать гражданский мир и объявить войну Советскому государству. Этот тип мышления толкнул Россию к революционному и, соответственно, симметричному контрреволюционному способу разрешения противоречий в 1905 г. и в феврале 1917 г. Теперь он толкнул к Гражданской войне.

Из «освоенного наполовину» европейского рационализма интеллигенция восприняла *детерминизм* – уверенность в том, что общественным процессом, как разновидностью машины, можно управиться силой, как рычагами. Надо только скосырнуть слабую, верхушечную «машину управления» большевиков. Невидимый и мощный процесс самоорганизации народа идеологи Гражданской войны игнорировали (или, во всяком случае, недооценили). Возникла иллюзия слабости Советской власти, которая и повлекла за собой отказ от гражданского мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.